

Антон Иванович Первушин

Оккультный Гитлер

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165469
Оккультный Гитлер: Якуза; М.: 2006
ISBN 5-87849-211-3

Аннотация

В последнее время издано много книг, посвященных мистической подоплеке идеологии Третьего рейха. Но эта книга особенная.

Антон Первушин, автор документально-исторического бестселлера «Оккультные войны НКВД и СС», вновь обратился к этой теме, чтобы показать современному читателю, сколь губительна для любой нации оккультная идеология, отрицающая разум и здравый смысл.

Из этой книги вы узнаете о тайной деятельности тех, кто планировал перекроить мир по лекалам безумных теорий, рожденных на стыке веков. Вы узнаете, как нищее обескровленное войной государство поднялось к вершинам власти над миром, но было низвергнуто в ад. Вы узнаете о том жутком будущем, которое уготовили нам Миссия Сатаны и его кровавые апостолы.

«Оккультный Гитлер» – страшная, но правдивая, искренняя книга. О ней будут много говорить и спорить, потому что «оккультный рейх» жив, его идеологи вновь пытаются захватить власть над миром и на этот раз полем их чудовищных экспериментов может стать Россия.

Содержание

Предисловие. Двенадцать мгновений весны	4
Глава первая. Корни, уходящие в вечность	6
Хроника: 19 апреля 1945 года	6
Исчезнувший мир	7
В поисках утраченного знания	8
Теософия в Германии	13
Информация к размышлению:	16
Глава вторая. Рождение вождя	19
Хроника: 20 апреля 1945 года	19
Искажение реальности	20
В поисках себя	23
Мифология антисемитизма	26
Фронтовик Гитлер	27
Информация к размышлению: Антисемитизм в России	30
Глава третья. Погружение в ад	33
Хроника: 21 апреля 1945 года	33
Реалии Веймарской республики	34
Учителя нового мессии: Дитрих Эккарт	40
Учителя нового мессии: Эрнст Рём	43
Эскизы Третьего рейха	46
Крах «пивного» путча	52
Информация к размышлению:	56
Глава четвертая. Чудовища из снов	59
Хроника: 22 апреля 1945 года	59
Сон разума	60
Апостолы нового мессии: Рудольф Гесс	63
Апостолы нового мессии: Альфред Розенберг	66
Апостолы нового мессии: Вальтер Дарре	69
Политтехнологии Гитлер	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Антон Первушин

Оккультный Гитлер

Предисловие. Двенадцать мгновений весны

В советские времена художественные фильмы, даже очень популярные, по телевидению показывали довольно редко. Но зато регулярно. Например, с уверенностью можно было сказать, что под Новый год граждан СССР ждет встреча с любимыми героями лирической комедии Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!». А под майский праздник Великой Победы зрителей обычно потчевали какой-нибудь военно-исторической эпопеей. Самым умным и ярким телевизионным сериалом на историческую тему была двенадцатисерийная лента «Семнадцать мгновений весны», снятая по одноименному роману Юлиана Семенова и повествующая о семнадцати днях деятельности разведчика-нелегала Максима Исаева (Отто фон Штирлица) в Третьем рейхе.

Серий было непривычно много, шли они, с перерывами, недели три, а потому очень скоро обнаружился интересный феномен. Многие из тех, кто смотрел фильм целиком, переживая за Штирлица и радистку Кэт, не могли точно сказать, как называется фильм и сколько в нем серий. Кто-то утверждал, что лента называется «Двенадцать мгновений весны», а серий в ней семнадцать; кто-то, наоборот, с пеной у рта доказывал, что серий двенадцать и название этому соответствует. Переломить ложное представление было совершенно невозможно, и с каждой новой демонстрацией сериала количество ошибающихся, но убежденных в своей правоте росло.

Ныне этот сериал показывают куда чаще. Сама книга Юлиана Семенова стала доступна широким массам читателей, и иллюзия, порожденная путаницей с числами, развеялась. Зато на ее месте появилось множество новых.

Например, некоторые читатели-слушатели-зрители абсолютно уверены, что в истории Третьего рейха не обошлось без вмешательства сверхъестественных сил. То есть когда-то и где-то они прочитали-услышали-увидели информацию о том, что в нацистском государстве кто-то занимался оккультными экспериментами, вызывал дьявола, вступал в контакт с таинственными магами, сохраняющими древнее знание в горах Тибета, – и готово: обрывочные сведения стали убеждением, поколебать которое очень трудно.

Возникновению этих современных мифов способствует еще и особенность человеческого сознания: люди тянутся к тому, что им интересно, а наибольший интерес всегда вызывает тайна.

Олег Юрьевич Пленков, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, посвятивший свою жизнь изучению истории XX века, рассказывал мне как-то, что пытается внушить своим студентам: самое интересное в Третьем рейхе – это социальная динамика, система преобразований государства и общества, которые позволили в кратчайшие сроки реформировать Германию и сделать ее сильной державой. И что характерно, студенты это дело слушают, но продолжают приносить рефераты на тему «Оккультные тайны СС».

Оккультизм, мистика – это тайна. Оккультизм в Третьем рейхе – это тайна вдвойне. И даже зная подлинную историю Адольфа Гитлера и его приспешников, очень трудно удержаться от широких обобщений с приведением всего, что происходило в нацистской Германии, к общему знаменателю.

Да, мистикой и оккультизмом в Третьем рейхе занимались не только маргиналы-сектанты, но и вполне уважаемые граждане. Больше того, в планах высокопоставленных

нацистов (таких как Генрих Гиммлер и Альфред Розенберг) было формирование новой языческой религии, которая должна была заменить христианство в покоренной Европе. Однако процесс взаимодействия эзотерики и политики в Германии при внимательном рассмотрении выглядит куда сложнее и неоднозначнее, чем принято считать, и главное – в нем не было какой-то особенной, жгучей, тайны.

В этой книге я постараюсь дать максимально объективное изложение истории нацистского оккультизма. Через факты и документы я покажу, как увлечение бредовыми эзотерическими теориями привело нацистов на край пропасти, за которым? только адская бездна. Я вызову из небытия тени минувшего, чтобы вы сами смогли убедиться в гибельности пути, избранного немецкими магами, рвавшимися к власти. Я надеюсь, что мне удастся убедить вас: во Второй мировой войне победили не сверхъестественные силы, а простые солдаты с простым житейским мировоззрением, противопоставленным чудовищному плану по разрушению нашего мира.

Это очень важно сегодня – понять, что же на самом деле произошло весной 1945 года. Потому что Третий рейх жив. Он снова набирает силу, и на этот раз почвой для его черных шипастых ростков становится Россия...

Глава первая. Корни, уходящие в вечность

Хроника: 19 апреля 1945 года

Во второй половине теплого апреля 1945 года Германия находилась на краю военной катастрофы. Но Адольф Гитлер принял решение защищать Берлин до последнего солдата. 15 апреля он призвал немецких солдат к беспощадной борьбе.

«Солдаты Восточного фронта! – писал он в своей последней листовке. – Наш смертельный враг – большевики-евреи – начали последнее массированное наступление. Они желают растоптать Германию и стереть с лица земли наш народ... Если в ближайшие дни и недели каждый солдат выполнит свой долг на Восточном фронте, то азиатское наступление захлебнется... Берлин останется немецким, Вена снова будет немецкой, а Европа никогда не будет русской... В этот час все немецкое население смотрит на вас, мои солдаты, и надеется, что ваше упорство, ваш фанатизм, ваше оружие и ваш героизм утопят большевистское наступление в крови. В нужный момент судьба устранила самого крупного военного преступника всех времен (Рузвельта), и теперь наступает поворотный момент в войне...»

На берлинском направлении против Советской Армии были сосредоточены группа армий «Висла» (миллион человек), свыше 10 тысяч орудий, 1,5 тысячи танков, 3,3 тысячи самолетов. И тем не менее в 5 часов утра 16 апреля войска Первого Белорусского (Жуков) и Первого Украинского фронтов (Конев) начали наступление на берлинском направлении. Войска Первого Белорусского были остановлены на Зееловских высотах, за которые шли самые ожесточенные бои. Только когда Жуков ввел в сражение две гвардейские танковые армии, наступление вновь активизировалось, и 18 апреля высоты были взяты...

Исчезнувший мир

...Эта история закончилась весной 1945 года на улицах Берлина. Однако началась она задолго до возникновения известной нам человеческой цивилизации – 18 миллионов лет назад.

Именно тогда человек – бесполое существо, сотканное из чистой энергии, – превратился в грубую двуполоую тварь, которой предстояло прозябать в материальной оболочке на протяжении миллионов лет. Процесс перехода из энергетического состояния в материалистическое занял целую эпоху и в конечном итоге породил смертных, но весьма могущественных созданий, которые ныне известны по имени атлантов.

Атланты, населявшие материк в Атлантическом океане (более древний, чем Европа), были самыми настоящими гигантами – их рост составлял семь метров (выше современного телеграфного столба!). Они владели удивительными магическими знаниями, доставшимися им в наследство от энергетических бесполох рас. Эти знания бережно сохранялись жрецеским сословием атлантов, обитавшим в пирамидальных храмах, построенных по всей Земле.

850 тысяч лет назад случилась катастрофа – материк атлантов, к тому моменту расколовшийся на две части (Рута и Даитья), погрузился в пучины океана примерно в то же самое время, когда произошло поднятие Северной и Южной Америк. Впрочем, жрецы, которые с помощью специальных ритуалов могли заглядывать в будущее, сумели спасти большую часть населения – атланты покинули тонущую землю, расселившись на островах и новых материках.

Постепенно их раса приходила в упадок, уступая «место под солнцем» более молодой и энергичной расе арийцев. Эти «новые люди» появились миллион лет тому назад, были мельче и энергичнее, а потому с успехом заселяли свободные территории. Их первая цивилизация возникла в Азии, и ее лучшие представители были учениками выдающихся атлантов. Со временем арийцы получили от атлантов сокровенное знание, включая методики управления духовной энергией, которая дает слабому человеческому существу возможность без всякой техники строить и уничтожать города, летать по воздуху и ходить по водам. Кроме того, арийцы унаследовали наиболее ценные науки: алхимию, минералогию, геологию, физику и астрономию. С помощью особых процедур, называемых мистериями, все эти знания передавались от поколения к поколению, делая избранных молодых людей могущественными магами, способными одним усилием воли преобразовывать Вселенную в соответствии с самыми невероятными замыслами.

Арийцы периодически воевали с атлантами, и им же довелось стать свидетелями конца этого древнего народа – когда 11 тысяч лет назад в пучину погрузился последний остров, населенный арио-атлантами и известный нам как Атлантида. Сокровенное знание, однако, сохранилось – им владело сословие королей-жрецов, создавших древнюю цивилизацию Египта около 80 тысяч лет назад. Со своей стороны, уцелевшие в катастрофе арио-атланты заложили несколько колоний в труднодоступных районах Земли и даже в космосе. Некоторые из этих колоний существуют по сей день, но проникнуть в них могут только избранные – те, кого адепты древнего учения считают достойными, чтобы пройти мистерии и узнать правду о великом прошлом. Время от времени арио-атланты ищут и находят достойного человека с целью поручить ему почетную миссию: рассказать миру о том, что они существуют и продолжают сохранять память о прошедших эпохах, чтобы донести ее до вождей арийской расы, которые в будущем покорят весь мир...

В поисках утраченного знания

Все, что вы прочитали выше, похоже на бред – настолько эти сведения разнятся с теми представлениями об эволюции живого мира и теориями о возникновении человеческой расы, которые выработали на протяжении XX века палеонтологи, археологи и антропологи. И все же миф о древних цивилизациях, которые когда-то правили миром, используя для этого магию и сверхчувственные способности, необычайно притягателен. Куда приятнее думать о себе как потомке божественного народа, унаследовавшем мудрость тысячелетий, чем как о звереныше – выкормыше грязной волосатой обезьяны.

Понятно, что до начала XIX века нужды в подобном мифе не было – монотеистические религии подчеркивали божественное происхождение человека, который был сотворен Создателем «по образу и подобию». Однако в XIX веке позитивизм, получивший развитие в естественных науках, стал претендовать на место главенствующего мировоззрения в просвещенных странах Европы и Америки. Успехи ученых, поставивших на службу людям энергию пара, были слишком очевидны, чтобы их игнорировать. А церковь со своей стороны не могла предложить чего-то нового молодым пытливым умам, выступая как тормоз ускользающего прогресса. Многочисленные запреты на получение адекватного образования и публичные суды над теорией Дарвина только распаляли молодежь, которая гуртом уходила в позитивизм и (страшно подумать!) в материализм.

Именно в XIX веке стали возникать теории, которые были призваны увязать одно с другим: идеалистическое восприятие с естествознанием, новейшие открытия физиков с мистическим озарением. И первое, что напрашивалось, – это предположение о существовании в глубокой древности цивилизации, которая создала науку, опирающуюся не на материализм, а на более глубокое представление о Вселенной.

Это представление удачным образом накладывалось на поиски Начала Всех Начал, которыми в те времена увлекались не только теологи и философы, но и авторитетные естествоиспытатели. Различные авторы писали и издавали многотомные труды, в которых излагались основы Проторелигии, из которой выросли все религии, основы Протонауки, из которой выросли все науки, Протоязыка и Протокультуры, от которых за тысячелетия отпочковались все известные языки и культуры. По мнению искателей, единый источник истины сулил ключ к глубочайшей тайне мироздания. Но на самом деле эти труды были слишком субъективны и тенденциозны, чтобы претендовать на звание подлинно научных работ. Теории о том, как развивалась эволюция животного мира и как жили древние народы, находились в зачаточном состоянии и впоследствии неоднократно пересматривались – потому сегодня они воспринимаются как своеобразная «палеофантастика», то есть вымысел, порожденный недостатком информации.

Палеофантастикой была и книга нового «западного гуру» Елены Блаватской, из которой я почерпнул реконструкцию мира под правлением Атлантиды.

Елена Петровна Блаватская родилась 12 августа 1831 года в городе Екатеринославе (Екатеринославская губерния). Ее отец принадлежал к роду наследных мекленбургских принцев фон Роттенштерн-Ган, а ее мать была внучкой князя Павла Васильевича Долгорукого.

Рис. 1. Елена Петровна Блаватская, основательница теософии

Не являясь профессиональным ученым, Блаватская тем не менее была достаточно образована. В частности, она прекрасно разбиралась в азиатских священных текстах. В отличие от единобожия иудаистов, христиан и мусульман, индуисты и буддисты поклоняются многочисленным божествам, каждое из которых исполняет особую роль в мировом плане. Центральной чертой их религиозной практики является понятие адепства (на санскрите «адепт» – «махатма»), ведущее родословную от первобытной субкультуры шаманизма. В рамках этого понятия считается, что любой человек может добиться огромной оккультной власти посредством тренировок и преданности поставленной цели.

Следуя запросам обывателей и пытаясь найти свою нишу в мире мистиков и медиумов, расплодившихся к середине XIX века в невероятном количестве, Блаватская решилась на довольно рискованный шаг: учредила религиозное общество.

Теософское общество (Theosophical Society) было основано Еленой Блаватской и полковником Генри Олькоттом в 1875 году в Нью-Йорке с целью «образовать ядро всемирного братства», исследовать неизученные законы природы и скрытые способности человека на основе синтеза духовных достижений Востока и Запада.

Само слово «теософия» означает «богопознание». Когда-то оно использовалось эллинами, понимавшими под этим словом науку познания воли богов и судьбы. В случае же с Блаватской оно служило лишь новым названием эзотерики. Блаватская предпочла так назвать свою доктрину, чтобы подчеркнуть ее отличие от других и даже заявить ее претензию на роль новой мировой религии.

Теософы определяют свое учение в следующих словах: «Существует два вида знания: низшее и высшее. Все то, что может быть преподано одним человеком другому, вся наука, все искусство, вся литература, даже святыя Писания, даже сами Веды, – все это было причислено к формам низшего знания. Высочайшее знание – это познание Единого, зная которого, познаешь все. Познание Его и есть Теософия. Это и есть “познание Бога, являющееся Жизнью вечной”».

Непосредственным источником этой идеи в западном эзотеризме был английский романист Эдвард Бульвер-Литтон, с книгами которого Блаватская была хорошо знакома. Сам Бульвер-Литтон среди своих сочинений особенно ценил оккультные романы «Занони» (1842), «Странная история» (1862) и «Грядущая раса» (1872).

Бульвер-Литтон читал труды алхимиков и неоплатоников, был знаком с работой современных ему спиритических обществ и кружков. В его оккультных историях современное научное знание сочетается с древней магией, а яркое воображение? с талантом беллетриста. Из этих составляющих складывается образ персонажа, владеющего некоей великой тайной. В магии Бульвер-Литтона в первую очередь привлекали аналогии с современной наукой. И магия, и наука – способы достижения власти над миром, но наука доказуема, а магия – нет. Будучи осторожным и скептическим человеком, не верившим в большинство феноменов, столь блестяще описанных в его собственных романах, Бульвер-Литтон при этом ничуть не исключал, что рано или поздно наука подтвердит притязания оккультистов на такие силы, как экстрасенсорное восприятие и ясновидение.

В качестве примера мы можем рассмотреть роман «Грядущая раса» («The Coming Race»), изданный за несколько месяцев до смерти автора под псевдонимом Лоренс Олифант. Персонаж романа волей случая попадает в подземный мир, где находит цивилизацию прекрасных существ Ана, научившихся использовать высшую энергию, пронизывающую все сущее и называемую «вриль».

«...Действием вриля в одном случае „...“ они могут влиять на изменения температуры, или, просто говоря, на перемену погоды; что в других его применениях, посредством научно построенных проводников, они могут оказывать такие влияния на ум человека, на всякое проявление животной и растительной жизни, которые по результатам не уступят самым причудливым фантазиям вымысла. Все эти разнообразные проявления физической энергии известны у них под именем вриля».

Бульвер-Литтон прямо указывает, что обретение могущества через вриль связано с продолжительными медитациями и телепатией, которая достигается через погружение в транс. При этом он неоднократно подчеркивает: только «научное» изучение сверхчужденных способностей разумного существа (жителей подземелья нельзя до конца считать людьми) откроет перед цивилизацией невиданные перспективы.

Примечательно, что раса Ана ведет свой род от народа, который когда-то жил на поверхности Земли, но был вынужден бежать в подземелья от наступающего потопа. Разумеется, эти существа (очевидно, атланты) принесли с собой древнюю науку и древнюю традицию. Память о великом прошлом позволила им создать своеобразную утопию. Полностью ликвидирована бедность. Обретение силы вриля отменило войны, поскольку любой ребенок мог уничтожить самую мощную крепость, и враждующим семьям пришлось вырабатывать правила, по которым они (ребенок с крепостью) могли бы жить в мире. Мощный социальный запрет на убийство повлек за собой повальное вегетарианство. Отказ от прямого физического насилия низвел государство до обслуживающего института, который используется семьями только для решения глобальных проблем (например, обеспечение светом). Преступности нет, а потому нет нужды в судебной и исправительной системах. В семьях главенствует принцип: «Оставайся с нами или уходи, если тебе не подходят наши обычаи и порядки». В отсутствии государственного диктата «каждый занимался излюбленным им делом и жил сообразно своим склонностям, не возбуждая ничьей зависти или стремления превзойти его».

Страсти, раздирающие наше общество, совсем не знакомы Ана. Они не конфликтуют, не пытаются конкурировать друг с другом, предпочитая покой и созерцательные отношения к жизни. Казалось бы, при таком мировоззрении подземный народ не может представлять какой-либо опасности для нас, живущих наверху. Тем не менее сила вриля защищает Ана от любых невзгод, включая нападение диких зверей и природные катастрофы, а значит, при столкновении с нашей цивилизацией будет использоваться для уничтожения последней. И противопоставить этому невиданному оружию ничего нельзя — специальные жезлы, концентрирующие и направляющие вриль, могут уничтожить противника на расстоянии «в 500 и 600 миль». Современное же человечество не сможет использовать могущественную силу для войны против Ана, поскольку требуются тысячи лет тренировок с передачей навыков последующим поколениям, чтобы только приблизиться к овладению мощью вриля. По утверждению одного из подземных жителей, шести местных детей вполне достаточно, чтобы уничтожить человечество...

Вот такими и подобными фантазиями вдохновлялась Блаватская при создании своего фундаментального труда «Тайная доктрина», который увидел свет в 1888 году. Вряд ли это громадное сочинение, написанное на плохом английском, привлекло бы внимание читающей публики и смогло бы сохраниться в культурном наследии, если бы Блаватской не удалось собрать в единую, хотя и весьма путаную, систему новейшие гипотезы того времени

о природе и эволюции вселенной. Сегодня уже очевидно, что эти взгляды были ошибочны, но какие-то из популярных теорий XIX века не опровергнуты и вызывают острый интерес у публики. Так, Блаватская была одним из первых авторов, кто заявил о внеземном происхождении человеческой цивилизации, во что продолжает верить довольно большое число людей. Она же обратила внимание образованных европейцев на древние индийские эпосы, утверждая при этом, что в них описана реальность мира, исчезнувшего несколько тысяч лет назад.

«Тайная доктрина» представляет собой комментарий к сакральному тексту под названием «Станцы Дзиан», который автор якобы видела в подземном гималайском монастыре. На основании маловразумительного текста дается описание Божественной деятельности, как ее представляла себе Блаватская, от сотворения мира до его конца.

Первый том («Космогенезис») охватывал собой общий план, в соответствии с которым единый Бог дифференцирует себя в многообразие мыслящих существ, постоянно заполняющих мир. Творения происходят в строгом подчинении божественному плану, проходя через семь кругов (эволюционных циклов). В первом круге мир подчиняется власти огня, во втором – воздуха, в третьем – воды, в четвертом – земли, в прочих – эфира. Этот порядок отражает постепенное удаление мира от божественной милости в первых четырех кругах и его искупление в следующих трех.

Елена Блаватская иллюстрирует стадии космического цикла разнообразными эзотерическими символами: треугольниками, трискелионами и свастикой. Этот последний символ был настолько популярен в Европе XIX века, что Блаватская включила его в проект официальной печати Теософского общества.

На свастике стоит остановиться особо. Концы свастики Блаватской загнуты по часовой стрелке (в правую сторону), и такая форма символа хорошо известна по сохранившимся кадрам кинохроники и фотоснимкам из архивов Третьего рейха. Именно эту свастику выбрали нацисты Германии в качестве своего основного символа. Однако если нацисты считали свастику знаком динамичного возрождения, то Блаватская понимала под ней символ «падения человека в материю».

Второй том «Тайной доктрины» («Антропогенез») пытается увязать историю человечества с эволюцией мироздания. Блаватская сопровождает свою циклическую концепцию утверждением, что каждому кругу сопутствует падение и возвышение семи последовательных «коренных» рас: в первом-четвертом круге расы испытывают упадок духовного развития, отдаваясь во власть материальному миру, в пятом-седьмом кругах высшие расы поднимаются к свету.

Согласно Блаватской, подлинная «человечность» в ее материальном воплощении может быть обретаема только пятой коренной расой, которой названа арийская раса. Ей предшествовали соответственно: астральная раса, возникшая в невидимой и священной земле; гиперборейцы, жившие на исчезнувшем полярном континенте; лемурианцы, процветавшие на континенте в Индийском океане, и раса жителей Атлантиды, погибшая в результате глобальной катастрофы.

Помимо расовых акцентов, теософия также подчеркивала принципы элитаризма и иерархии. Елена Блаватская претендовала на безусловный авторитет, определяемый ее местом в оккультной иерархии. В своих рассказах о предыстории человечества она также часто ссылалась на выдающуюся роль элитарных священников коренных рас прошлого. Так, когда лемурианцы погрязли во зле и пороке, только иерархия избранных осталась чиста духом. Эти немногие составили лемуру-атлантическую династию королей-жрецов, обитающую в легендарной стране Шамбала в пустыне Гоби (раньше, по мнению Блаватской, там был роскошный остров).

Несмотря на запутанную и неграмотную аргументацию, теория Блаватской стала очень популярной. Объясняется это смутным обещанием оккультного посвящения, просвещающим через бесчисленные заимствования из древних верований, за цитатами из утраченных апокрифов. Теософия предложила привлекательную смесь из древних религиозных идей и новых для того времени научных концепций.

И все же суть «Тайной доктрины» не меняется от того, как мы ее интерпретируем. Это именно криптоисторическая фантастика, и за реконструкциями Блаватской ничего не стоит, кроме домыслов и непомерного самомнения автора. Можно было бы и не обсуждать все ее гипотетические построения, однако теософия оказала довольно значительное влияние на формирование мировоззрения тех, кто уже в XX веке попытался воплотить арийскую утопию в жизнь.

Теософия в Германии

Теософские общества появились в Германии еще при жизни Блаватской. В июле 1884 года в городе Эльберфельде возникло первое Немецкое Теософское общество под председательством Вильгельма Губбе-Шлейдена.

В начале 1890-х годов стало формироваться более широкое немецкое теософское движение. На этот раз оно было связано с популяризаторскими усилиями Франца Гартмана. Будучи профессиональным врачом, Гартман тем не менее проявлял самый живой интерес к паранормальным явлениям. Начав со спиритизма, он постепенно стал верным последователем учения Блаватской. В 1889 году он организовал теософский светский монастырь в Асконе. С 1892 года печатал переводы индийских священных текстов и переводы Блаватской в своем журнале «Цветы лотоса». Это первое немецкое издание, титул которого был украшен свастикой.

Впрочем, теософия в классическом ее варианте осталась в Германии ограниченным феноменом, представленным маленькими и часто враждующими клубами. Большее признание в этой стране получили различные «ереси» от теософии.

Одной из таких ересей была ариасофия, основателем которой считается Гвидо фон Лист.

Гвидо Карл Антон фон Лист (Guido von List) родился в Вене 5 октября 1848 года в семье преуспевающего торговца. Его мать и отец принадлежали к торговым семьям, жившим в столице по меньшей мере на протяжении двух поколений. Однако фон Лист не стал торговцем. К концу века он добился широкой известности как автор, работающий в рамках неоромантического и националистического жанра. Творчество фон Листа практически целиком посвящено героическому прошлому и религиозной мифологии родной страны. Однако к 1902 году произошли существенные изменения в характере его идей: в воображаемый мир древних германских верований проникли чисто оккультные воззрения.

В апреле 1903 года фон Лист отправил в Имперскую Академию наук в Вене работу об «арийском протоязыке». В нем австриец попытался проинтерпретировать средствами оккультного откровения буквы и звуки рун.

Никакого удовлетворительного ответа от Академии не последовало, но это привело сторонников Листа к идее основания «Общества Листа» («Guido-von-List-Gesellschaft»), которое могло бы финансировать и издавать серии исследований фон Листа, посвященных национальному прошлому.

2 марта 1908 года стало днем торжественного открытия «Общества Листа», сразу же сделавшегося необычайно популярным в Вене. Среди его членов – журналисты, писатели, музыканты, ученые, депутаты парламента, активисты Теософского общества. Идеи фон Листа оказались приемлемы для многих образованных людей, вышедших из высших и средних классов Австрии и Германии.

Поощренный поддержкой, фон Лист написал серию «Арио-германских исследовательских отчетов» («Guido-List-Buecherei»), которые в основном содержали оккультные интерпретации национального прошлого.

Его идеология, основанная на конфликте немецких и славянских национальных интересов, привлекла народнические кружки Германии, которые также стремились к шовинистической мистике в целях защиты германизма от либеральных, социалистических и «еврейских» политических сил.

Во время Первой мировой войны идеи фон Листа по-прежнему привлекали тех, кто искал мистическое объяснение трудностям и лишениям. Фон Лист получал множество писем с фронта, в которых его благодарили за утешительные открытия. Руны и древние

арийские символы находили на камнях, далеких от домашнего очага. Они помогали верить в окончательную победу арио-германцев. Книги фон Листа передавались из рук в руки в окопах и полевых госпиталях.

Фон Лист был уверен в том, что открыл следы универсального «золотого века» германской нации. Он искал эти следы в археологических памятниках (насыпных холмах, мегалитах, укреплениях и замках, расположенных на древних языческих территориях), в местных названиях лесов, рек и гор.

Представления фон Листа о национальном прошлом в малой степени опирались на классические методы изучения истории. Скорее, его догадки возникали в результате «пророческих» откровений, которые австрийские и немецкие ландшафты будили в его душе.

Вину за разрушение патриархального мира фон Лист возлагал на христианство. В его версии христианизации германских земель содержится рассказ об ослаблении тевтонских законов и морали, о разрушении немецкого национального сознания. Фон Лист утверждал, что церковная проповедь любви и милосердия расшатала строгие евгенические правила «старой арийской сексуальной морали», что новые духовные объединения размывали границы традиционных этнических провинций – и все это было сделано для того, чтобы принудить немцев к политической лояльности и повиновению.

Все эти моральные и политические преступления могли быть совершены только при условии уничтожения лидеров нации. В соответствии с теорией фон Листа, деятельность христианских миссионеров началась с унижения арио-германской элиты. Древние святилища были уничтожены. Ограбленные и нищие, короли-священники были вынуждены скитаться по стране, в которой никто не признавал их положения и не ценил их священного знания. Тех, кто упорствовал в старой вере, сжигали на кострах.

Начиная со средних веков, поработанные немцы узнавали свою историю только со слов иностранцев. Лживые хроники римских, греческих и французских авторов убеждали наследников великой нации, что до пришествия христианства они существовали в крайне жалком и примитивном состоянии.

В апреле 1915 года фон Лист собрал конференцию своих поклонников в Вене. Он произнес торжественную речь, в которой приветствовал войну как начало тысячелетнего сражения, предвещающее приход новой эпохи. Он предупредил, что этот переходный период первоначально может быть связан с увеличением трудностей, «ужасными преступлениями и сводящими с ума мучениями». Но все эти испытания должны послужить окончательному отделению добра от зла.

От новой эпохи фон Лист ждал прихода к власти фигуры мессианского толка – сверхчеловеческого индивида, способного решить все проблемы и установить вечный порядок.

К концу Первой мировой войны фон Лист приобрел уверенность, что австрийские и немецкие жертвы, павшие на фронтах, перевоплотятся в коллективное мессианское тело. Он доказывал, что сотни тысяч убитых должны воскреснуть и войти в состав элитарных мессианских корпусов в окончательной послевоенной национальной революции.

Исходя из своих вычислений, основанных на «космических и астрологических законах», фон Лист утверждал, что 1914, 1923 и 1932 годы будут иметь особое значение для возрождения арийской расы. Он особо выделял 1932 год – как время, когда божественная сила должна овладеть коллективным бессознательным немецкого народа. Порядок, национальная месть и национальная страсть должны были превратить плюралистическое общество Веймарской республики в монолитное, вечное и нерушимое государство. Этот тоталитарный образ служил фон Листу наброском для будущего великого германского рейха.

В своем пророчестве Гвидо фон Лист ошибся всего на один год. В 1933 году к власти в Германии пришли нацисты, основной целью которых было построение Тысячелетнего рейха.

Через работы фон Листа, который отталкивался от палеофантастических теорий, австрийские и немецкие националисты получили идеологическое обоснование для своей революции. Открытый вызов европейскому обществу, которое называлось «неправильным», оторванным от корней, искусственно лишенным памяти о великом прошлом, импонировал всем, кто мечтал о переделе мира под властью германской нации. Книги фон Листа (как и многотомный труд Блаватской) давали обычному человеку из «глубинки» ощущение наполненности жизни через приобщение к глобальным процессам. Каждый из почитателей австрийского исследователя полагал, что, постигая мистическую историю своего народа, можно добиться изменений к лучшему в настоящем. Утопические видения затуманивали разум, снижали критичность, делая людей более податливыми для идеологической обработки. Все это прекрасно понимали пропагандисты национал-социалистической партии – они даже превзошли своего предтечу, выстроив еще более абсурдную мифологию, в которую тем не менее поверили миллионы людей...

Информация к размышлению: Возвращение атлантов

Несмотря на то что палеофантастические теории давно отвергнуты научными изысканиями, они остаются притягательными для многих, ищущих «альтернативную» истину. Только этим можно объяснить популярность трудов нашего соотечественника – врача-офтальмолога Эрнста Рифгатовича Мулдашева.

Несколько лет профессор Мулдашев публикует в самом массовом российском еженедельнике «Аргументы и факты» статьи о своих «сенсационных открытиях», сделанных во время гималайской экспедиции. Более того, результаты этой экспедиции объединены и опубликованы в виде книги «От кого мы произошли?», суммарный тираж которой столь велик, что уже не поддается учету. Значит, профессора Мулдашева читают. Значит, профессору Мулдашеву верят. Ведь нельзя не верить столь заслуженному и авторитетному человеку, на каждой странице своей книги подчеркивающему, что при совершении «сенсационных открытий» он использовал исключительно научные методы.

Итак, о чем же рассказывает любознательному российскому читателю выдающийся офтальмолог Эрнст Мулдашев?

В основе теории Мулдашева лежит «реконструкция» мировой истории, созданная Еленой Блаватской. В пересказе профессора это звучит так:

«По религии и знаниям Посвященных, на земле было 5 рас (или цивилизаций) людей. „...“ представители первой расы людей, называемой “саморожденные”, представляли собой ангелоподобных существ ростом 50–60 метров, имели один глаз (тот, который мы сейчас называем “третьим”) и размножались путем деления.

Представители второй расы людей, называемой “потом рожденные”, или “бессмертные”, представляли собой уже более плотных, но еще призракоподобных существ высотой около 40 метров, имели также один (тоже по типу “третьего”) глаз и размножались путем почкования и спора.

Третья раса, называемая “двойки”, “андрогинны” или “лемурийцы”, имела наиболее длинный период существования и наибольшую изменчивость внутри себя. В пределах этой расы произошло разделение полов, появились кости, тело уплотнилось, и из четвероруких и двуликих ростом около 20 метров они превратились в двуруких и одноликих уже меньшего размера. Наибольшего развития и процветания добились позднейшие лемурийцы – лемур-атланты.

Рис. 2. Храм-пирамида в столице Атлантиды (реконструкция)

Представители четвертой расы, называемой атлантами, были двурукие и одноликие, ростом около 6–8 метров и имели плотное тело.

Представители пятой расы (т. е. нашей цивилизации), называемой арийцами, вначале были большего роста, чем сейчас, но потом постепенно уменьшились до нынешних размеров.

Считается, что на земле будет всего 7 рас. Каждая из рас имела и будет иметь по 7 подрас».

Проверенная временем антинаучность «реконструкций» Блаватской российского офтальмолога почему-то не смущает. С другой стороны, для изложения своей теории он вправе использовать любую гипотетическую модель (даже столь нелепую и не выдерживающую ни малейшей критики), главное – чтобы дальнейшие рассуждения соответствовали элементарным законам логики и подтверждались фактами. Но как раз этого статьи и книги Мулдашева лишены начисто.

Так, Эрнст Рифгатович утверждает, будто бы обнаружил вблизи священного Кайласа огромный комплекс ступенчатых пирамид и различных монументов (каменные «зеркала» и «статуи») искусственного происхождения. Все эти памятники, по мнению ученого, принадлежат легендарному «Городу Богов», сведения о котором якобы содержатся в тибетских текстах и в эзотерической (в основном теософской) литературе. Чтобы попасть в эти заповедные места, Мулдашеву и его спутникам пришлось заручиться содействием непальских и тибетских лам, ибо территория, на которой расположен Кайлас, представляет собой «зону действия тантрических сил», закрытую для непосвященных.

Шамбала и Агартхи (Агартти), согласно Мулдашеву, – это «система параллельной подземной жизни на Земле людей разных цивилизаций (лемурийцев, атлантов и представителей нашей цивилизации), основанной на иных принципах взаимоотношения физического и тонкого миров, прежде всего на способности дематериализоваться и материализоваться». В Шамбале и Агартти жизнь и смерть соединены воедино, люди разных цивилизаций и рас находятся вместе, и даже время течет по-иному.

Шамбала и Агартти были образованы в связи с глобальной катастрофой на Земле в период царствования цивилизации лемурийцев, а в дальнейшем стали выполнять роль «страхующего звена» в жизни на Земле. Шамбала и Агартти надежно скрыты под землей и не подвержены воздействию космических или геологических катастроф. Локализована эта система параллельной жизни преимущественно в районе Гималаев – Тибета, но, возможно, и в других местах планеты (например, в Египте). Жизнь в Шамбале и Агартти во много раз более защищена, чем жизнь на поверхности Земли.

Там же под землей – в пещерах и пирамидах – располагается «генофонд человечества» – застывшие («законсервированные») в неподвижном состоянии глубокого транса «сомати» (искаженное санскритское «samadhi»), иначе нирваны, практически бессмертные «лучшие люди» трех последних человеческих «рас»: лемурийцы, атланты и арийцы (нынешнее человечество). Этот генофонд, полагает Мулдашев, может быть востребован в случае новой глобальной катастрофы, которая неизбежна, поскольку полный цикл земной цивилизации, согласно древним учениям, предполагает семикратную смену рас.

Не совсем понятно, зачем офтальмологу с мировым именем портить себе репутацию, возрождая сегодня предание о Шамбале, да еще в такой фантазмагорической форме. Вряд ли он бедствует и вряд ли гонорар за книгу или статью для Мулдашева – единственное средство к существованию. Возможно, за этим стоит болезненное желание прославиться, стать знаменитым не только среди коллег и пациентов, но и среди широких масс населения. Только зачем дурачить эти самые «широкие массы», выдавая за научный труд (или за «научную гипотезу») халтурную оккультную поделку, девальвирующую саму тему изучения истории Тибета и предания о Шамбале как части мировой культуры?

Научные круги совершенно игнорируют Мулдашева – по-видимому, серьезные ученые опасаются, что их имена окажутся дискредитированы, даже если они просто попытаются вступить в спор с таким оппонентом. Но у журналистской братии подобная дискредитация опасений не вызывает, и они всерьез обсуждают теорию Мулдашева, создавая ей дополнительную рекламу. В середине марта 2005 года «Комсомольская правда» опубликовала серию статей, в которых излагались результаты, полученные российской экспедицией в Тибет под руководством члена Русского географического общества Александра Сельвачева.

Участники прямо заявили, что шли «по следам Мулдашева» и собирались найти вещественные доказательства существования Шамбалы. Но при всем желании (а это желание сквозит в каждой строчке опубликованных статей) никаких убедительных свидетельств наличия подземного мира, в котором скрываются от мира представители древних рас, обнаружить не удалось. Вот лишь одна цитата:

«Удивительно, но слово “Шамбала” малограмотные тибетцы слышат только от туристов-европейцев и плохо понимают его смысл, – говорит Александр Сельвачев. – Более того, считают, что чудеса творятся в каких угодно странах, но только не у них. И вот, пожалуй, из-за чего. То, что для европейца – загадка и сенсация, для жителей Тибета – обычное дело.

В тибетском городе Чжидо, – продолжает Александр, – в гостях у ламы, говорящего по-английски, я увидел, что в чае на поверхности плавает жирное пятно – в свои напитки тибетцы часто добавляют масло, сбитое из молока яков – ячий жир. При желании можно было углядеть в нем сходство с изображением “инь-ян” – символ из китайского даосизма. О чем я и сообщил ламе, желая похвастаться своей образованностью, мол, даже ячий жир у вас в священные символы складывается.

А лама захохотал и объявил, что “инь-ян” здесь ни при чем: “Ну просто пятно так расплылось”. Да и жир вовсе не ячий, а человеческий. Лама вырезал его из тела умершего друга...

У нормального человека такое в голове не уложится, а ламе хоть бы что. Читает мантры над этим кусочком жира и верит: он облегчит умершему новое рождение. И душа того вселится не в животное, а в человека.

Еще пример. В России сейчас популярна тибетская медицина – корешки и травы, которые надо поглощать, распевая мантры. Объяснить невозможно, но я сам видел, как люди излечивались, к примеру, от язвы желудка. А думаете, буддисты верят своей медицине? Для них настоящее чудо – “таблетки белого человека”. Они постоянно выпрашивают активированный уголь или аскорбинку, искренне полагая, что ими можно вылечить любую болезнь – от плоскостопия до инфаркта...»

Добавить к этому нечего. Для нищих тибетцев богом-врачевателем был сам Мулдашев, но он предпочел искать других богов, разом перечеркнув все, чему его научила современная наука.

Меня в этой истории беспокоит прежде всего та легкость, с которой россияне в начале XXI века готовы идти на поводу у новых палеофантастов. В нашей стране, в ситуации идеологического кризиса, когда общество не способно предложить личности достойной цели в жизни (вряд ли можно считать лозунг «обогащайтесь!» достойной целью), эти «духовные искания» могут завести очень далеко – даже к оправданию преступных намерений и действий. Подземные атланты Мулдашева лишены морали, они грозят нам истреблением, и в этом свете теоретические рассуждения офтальмолога обретают зловещий смысл, превращаясь в обещание скорого Армагеддона, в котором уцелеют лишь уверовавшие. От книг Мулдашева пахнет сектантством, а история человечества учит: подобные верования еще никого и никогда не доводили до добра.

Глава вторая. Рождение вождя

Хроника: 20 апреля 1945 года

Наступающие подразделения американской Пятой армии проникли в равнинную долину реки По. Даже задействовав последние резервы, генерал Генрих фон Фитингоф уже не смог остановить противника. С приближением американских танков сопротивление немцев было окончательно сломлено. Хотя большей их часть и ушла за По, им пришлось при этом бросить почти все тяжелое вооружение.

Продолжалось наступление советских войск на Берлин. Дальнобойная артиллерия Первого Белорусского фронта начала интенсивный обстрел немецкой столицы.

В тот день Адольфу Гитлеру исполнилось 56 лет.

В обращении к нации министр пропаганды Геббельс заявил: «Наше время печали и страданий находит свое единственное достойное олицетворение в лице фюрера. Ему и только ему мы должны выразить свою благодарность за то, что Германия до сих пор существует и что Запад со всей его культурой и цивилизацией еще не провалился в пропасть, развернувшуюся перед нами. „...“ Где бы ни появились наши враги, они несут бедность и печаль, хаос и разруху, безработицу и голод. „...“ С другой стороны, у нас есть четкая программа возрождения, доказавшая право на существование в нашей стране и во всех других европейских странах, где ее удалось воплотить в жизнь. У Европы имелась возможность выбрать одно из двух. Европа выбрала анархию, за которую ей сегодня приходится расплачиваться».

Геббельс признал, что война завершается, но стал предсказывать, что через несколько лет Германия снова возродится. «Будут вновь построены еще более красивые деревни и города на месте разрушенных, и в них будут жить счастливые люди. И мы снова будем поддерживать дружеские отношения со всеми нациями доброй воли. „...“ У всех будет работа. Порядок, мир и процветание будут главенствовать».

После этих слов Геббельс сделал еще более удивительное предсказание: только фюрер может привести к победе – самыми удивительными методами. «Если в истории этой страны напишут, что ее жители не оставили своего лидера, а он не бросил их, то это и будет настоящей победой». Для идейного нациста все было ясно: если нация будет верить в Гитлера до конца, то «его дух в конце концов восторжествует и, как птица феникс, возродится из пепелища временного поражения».

В отличие от Геббельса, Гитлер в день своего рождения размышлял над тем, как одержать реальную победу. Вызвав на аудиенцию пилота бомбардировщика и героя войны Ганса Ульриха Руделя, он сказал ему, что очень рассчитывает на новейшую реактивную авиацию, которая по своим характеристикам превосходит все, что имеется на вооружении у врага. Возглавив элитные эскадрильи реактивных бомбардировщиков, Рудель должен был оказать поддержку обороняющейся пехоте. С лихорадочным блеском в глазах фюрер говорил:

«Я неоднократно пытался заключить мир, но союзники отказались. Начиная с 1943 года, они требовали безоговорочной капитуляции. Моя собственная судьба не имеет никакого значения, но всякий здравомыслящий человек должен понять, что я не мог принять условия безоговорочной капитуляции для немецкого народа. Даже сейчас переговоры еще не завершены, но я потерял всю надежду на их успех. Следовательно, мы должны сделать все, чтобы преодолеть кризис, и сделать так, чтобы новое оружие принесло нам победу!»

Веру в чудесное оружие, которое способно изменить ход войны, Гитлер сохранил до своей последней минуты.

Искажение реальности

О Гитлере написано много книг – говорят, что даже больше, чем об Иисусе Христе. Но историки до сих пор не сошлись во мнении, какова природа его дьявольской натуры, позволившей простому австрийскому провинциалу подняться до вершин власти и перевернуть мир. Что за сила вела его через поражения к победам? Какие особенности личности не давали ему согнуться под ударами судьбы на пути к созданию собственной империи?

В советские времена, помнится, Гитлера изображали либо комичным придурком, либо кровавым маньяком. Ни тот, ни другой образ не соответствует действительности – прежде всего потому, что становится непонятным, как такой человек сумел «одурачить» массы и повести их на завоевание Европы и Советского Союза.

Впрочем, без психопатической аномалии не обошлось. Биографы диктатора отмечают, что довольно часто Гитлер действовал совершенно безрассудно, полностью утрачивая контроль над собой и отдаваясь на волю интуиции. В критические моменты он словно превращался в медиума. Злые на язык берлинцы говорили, что Гитлер «кусает ковер», и были недалеки от истины. Однако эта очевидная психопатология творила чудеса.

Немецкий психолог Ланге-Эйхбаум писал: «Психопатическая аффективность может стать побудительной причиной, которая развивает талант, расширяет и углубляет его. Внутренняя нервозность, беспокойство, изменение настроения позволяют увидеть многие вещи в самом различном освещении. Таким образом, взгляд на возвращающееся, на постоянное, на существенное обостряется. Психопат – с его быстрыми изменениями представлений о жизни, вечной жадой раздражения, жадностью к новому – проникает в многочисленные области. Это расширяет горизонт, развивает внутренние возможности, даже раскрывает неведомый до сих пор талант».

И все же не это было главное в Гитлере. Власть и признание пришли к нему, благодаря его необычайной харизме. Людей привлекало не только то, что он им говорил, но и как говорил, как он вел себя при выступлениях или дискуссиях.

«Гитлер обладал, – вспоминал полковник де Мозьер, – какой-то необъяснимой, я не побоюсь этого сказать, – демонически источаемой силой, которую нельзя не только описать, но даже понять, и уклониться от влияния которой могли только очень немногие люди».

Откуда же взялась в нем эта харизма? Что в нем было такого, чего не было у других? Давайте вспомним вехи его биографии.

Адольф Гитлер (Hitler) родился 20 апреля 1889 года в австрийском городке Браунау на реке Инн, неподалеку от границы с Германией.

Фамилия Гитлер была обычной для австрийца. Вполне возможно, она имела происхождение от чешских Хидлар или Хидларчек. Разновидность этих фамилий были зарегистрированы в Вальдфиртеле в 1430 году. Постепенно они превратились в Хидлер, Хитлер и Гитлер. В 1560 году прямого предка Адольфа Гитлера со стороны матери звали Георг Хидлер. Его потомки записывали себя как Хюттлер и Гитлер.

Отец Адольфа, Алоис Гитлер (по первой фамилии – Шикльгрубер, в 1876 году он официально сменил ее, поскольку воспитывался в доме своего дяди Иоганна Непомука Гидлера), чиновник таможенной службы, являл собой тип домашнего тирана. 28-летняя мать Адольфа, Клара Пельцль, ничем не походила на него. Она была мягкой и интеллигентной женщиной. Трудно сейчас сказать, что именно привлекло Клару в человеке, который был значительно старше ее и совершенно не подходил по характеру. Впрочем, они были знакомы давно (Алоис знал Клару еще ребенком и в те времена, когда она работала служанкой в доме его первой жены), и, наверное, именно в этом старом знакомстве кроются причины их женитьбы.

Адольф очень любил свою мать, несмотря даже на то, что она считала его «помешанным», отмечая, что ее ребенок не похож на других детей.

В 1895 году Алоис Гитлер приобрел небольшое поместье неподалеку от Ламбаха, а через два года, напуганный чрезвычайно религиозной матерью, Адольф начал посещать школу при местном бенедиктинском монастыре.

«В эту именно эпоху во мне стали формироваться первые идеалы, – вспоминал позднее Гитлер. – Я проводил много времени на свежем воздухе. Дорога к моей школе была очень длинной. Я рос в среде мальчуганов физически очень крепких, и мое времяпровождение в их кругу не раз вызывало заботы матери. Менее всего обстановка располагала меня к тому, чтобы превратиться в оранжерейное растение. Конечно, я менее всего в ту пору предавался мыслям о том, какое призвание избрать в жизни. Но ни в коем случае мои симпатии не были направлены в сторону чиновничьей карьеры. Я думаю, что уже тогда мой ораторский талант развивался в тех более или менее глубокомысленных дискуссиях, какие я вел со своими сверстниками. Я стал маленьким вожаком. Занятия в школе давались мне очень легко; но воспитывать меня все же было делом нелегким. В свободное от других занятий время я учился пению в хоровой школе в Ламбахе. Это давало мне возможность часто бывать в церкви и прямо опьяняться пышностью ритуала и торжественным блеском церковных празднеств. Было бы очень натурально, если бы для меня теперь должность аббата стала таким же идеалом, как им в свое время для моего отца была должность деревенского пастора. В течение некоторого времени это так и было. Но моему отцу не нравились ни ораторские таланты его драчуна-сынишки, ни мои мечты о том, чтобы стать аббатом. Да и я сам очень скоро потерял вкус к этой последней мечте, и мне стали рисоваться идеалы, более соответствующие моему темпераменту...»

Вскоре семейство Гитлер перебралось в Леондинг, близ Линца. Возраст Адольфа уже позволял его родителям задуматься о будущем своего сына. Алоис, как и всякий уважающий себя отец, хотел, чтобы Адольф пошел по его стопам, то есть стал государственным служащим. Однако юношу влекло искусство. Однажды он признался в этом отцу и получил хорошую взбучку, что никоим образом не повлияло на сделанный им выбор.

В первые школьные годы Адольф учился достаточно прилежно. Но, по его собственным словам, постоянные ссоры с отцом, упорно желавшим видеть в нем будущего чиновника, привели к тому, что Адольф утратил всяческий интерес к получению высоких оценок. С шестого класса он учился все хуже и хуже. В шестнадцать лет, так и не закончив полный курс средней школы, Адольф покинул учебное заведение. Впоследствии он объяснял свой неуспех тем, что его «не понимали» учителя.

Единственным учителем, для которого Адольф сделал исключение в этой оценке и которым откровенно восхищался, был Леопольд Петч – ярый пангерманист, апологет прусского короля Фридриха II и канцлера Бисмарка, научивший юношу презирать Габсбургов и ценить идеи германского национализма.

В «Моей борьбе» Гитлер писал: «Еще и теперь я с трогательным чувством вспоминаю этого седого учителя, который своей горячей речью частенько заставлял нас забывать настоящее и жить в чудесном мире великих событий прошлого. Сухие исторические воспоминания он умел превращать в живую увлекательную действительность. Часто сидели мы на его уроках полные восхищения и нередко его изложением бывали тронуты до слез.

Счастье наше было тем более велико, когда этот учитель в доступной форме умел, основываясь на настоящем, осветить прошлое и, основываясь на уроках прошлого, сделать выводы для настоящего. Более чем кто бы то ни был другой из преподавателей он умел проникнуть в те жгучие проблемы современности, которые пронизывали тогда все наше существо. Наш маленький национальный фанатизм был для него средством нашего воспитания. Апеллируя все чаще к нашему национальному чувству чести, он поднимал нас на гораздо

большую высоту, чем этого можно было бы достигнуть какими бы то ни было другими средствами.

Этот учитель сделал для меня историю самым любимым предметом. Против своего собственного желания он уже тогда сделал меня молодым революционером».

В поисках себя

В январе 1903 года престарелый Алоис Гитлер умер от апоплексического удара. Похоронив мужа, Клара продала дом и перебиралась в Линц. Ее пенсии вполне хватало, чтобы прокормить детей – сына Адольфа и младшую дочь Паулу. Бросив школу, Адольф тем не менее отказался искать себе постоянную работу или же обучаться какому-либо ремеслу. Даже сама мысль об этом вызывала у него отвращение. В конце концов мать согласилась с жизненным выбором сына, забрав его из ремесленного училища и устроив в школу рисования.

Рис. 3. Адольф Гитлер – портрет, выполненный его школьным товарищем в 1905 году
Карманные деньги, которые Адольф получал от матери, тратились на книги.

Единственный друг юности будущего фюрера, Август Кубичек, вспоминал:

«Уже в Линце Адольф начал читать классиков. О “Фаусте” Гете он заметил, что эта книга содержит больше, чем может вместить человеческий ум. Из работ Шиллера его захватил главным образом “Вильгельм Телль”. Глубокое впечатление произвела на него и “Божественная комедия” Данте».

И в дальнейшем Гитлер оставался книголюбом. В библиотеке Конгресса США хранится его личная библиотека, в ней – две тысячи книг и других материалов, захваченных в Рейхсканцелярии в Берлине, в Бергхофе и в Бергене у Берхтесгадена. Там много литературы псевдорелигиозного и расистского содержания, книг о нордическом духе. Гитлер читал в переводах Софокла, Гомера, Аристофана, Горация и Овидия. Особенно он любил старые немецкие сказания и наизусть помнил 25 тысяч строк «Персиваля». Его живейший интерес, судя о пометкам на полях, вызывали Лютер, Савонарола, Цвингли, Кельвин, Конфуций и Будда.

И все же нельзя не отметить, что после окончания школы Гитлер не получал системного образования. Его окружение вспоминало, что Гитлер говорил много и охотно, часто перескакивая с темы на тему, изображая знатока всех наук и искусств, но как раз это выдавало в нем дилетанта, слабо разбирающегося хоть в какой-то конкретной области. В то же время отмечали, что начиная с 1933 года, когда Гитлер возглавил Германию, он практически не вступал в дискуссию, предпочитая многочасовые монологи. Это тоже определенным образом указывает на недостаток культуры, которая обычно прививается в высших учебных заведениях...

В октябре 1907 года восемнадцатилетний Адольф отправился в Вену чтобы попытаться счастья в Академии художеств. Однако там он потерпел полное фиаско. Его аккуратные, но совершенно безжизненные рисунки произвели на экзаменаторов столь дурное впечатление, что они посоветовали Адольфу вообще отказаться от мысли стать художником.

А в декабре 1908 года от рака умерла мать Адольфа. Казалось, сам мир ополчился на молодого человека: «Этот удар поразил меня ужасно. Отца я почитал, мать же любил. Тяжелая действительность и нужда заставили меня теперь быстро принять решение. Небольшие средства, которые остались после отца, были быстро израсходованы во время болезни

матери. Сиротская пенсия, которая мне причиталась, была совершенно недостаточной для того, чтобы на нее жить, и мне пришлось теперь самому отыскивать себе пропитание».

Начинается «грустнейший» период в биографии молодого Гитлера. С 1909 по 1913 год Адольф жил в Вене. Отсутствие каких-либо значительных средств вынудило его оставить меблированную комнату и порвать отношения с Августом Кубичеком: тот блистал в консерватории, а гордый Адольф не хотел испытывать «унижение» при общении с ним. Гитлер стал настоящим бродягой, живя в ночлежках и довольствуясь благотворительной похлебкой. Иногда ему удавалось продать свои акварели, но по очень низкой цене.

Но в отличие от других бродяг Адольф никогда не искал забвения в дешевых наркотиках: не пил и не курил. Большую часть времени он проводил в публичных библиотеках. Именно в «грустнейший» период были заложены основы позднего мировоззрения вождя Третьего рейха:

«Я читал тогда бесконечно много и читал основательно. Все свободное время, которое оставалось у меня от работы, целиком уходило на эти занятия. В течение нескольких лет я создал себе известный запас знаний, которыми я питаюсь и поныне.

Более того.

В это время я составил себе известное представление о мире и выработал себе мирозерцание, которое образовало гранитный фундамент для моей теперешней борьбы. К тем взглядам, которые я выработал себе тогда, мне пришлось впоследствии прибавить только немного, изменять же ничего не пришлось.

Наоборот.

Я теперь твердо убежден в том, что все творческие идеи человека в общих чертах появляются уже в период его юности, насколько вообще данный человек способен творчески мыслить. Я различаю теперь между мудростью старости, которая является результатом большей основательности, осторожности и опыта долгой жизни, и гениальностью юности, которая щедрой рукой бросает человечеству благотворные идеи и мысли, хотя иногда и в незаконченном виде. Юность дает человечеству строительный материал и планы будущего, из которых затем более мудрая старость кладет кирпичи и строит здания, поскольку так называемая мудрость старости вообще не удушает гениальности юности...»

В этих последних абзацах сокрыт ключ к пониманию заблуждений Гитлера, которые в конечном итоге привели его империю к краху. Он так и не сумел понять, что его бессистемное образование, без надзора и указки со стороны опытного учителя, не дает ему права судить хоть о чем-то, что выходит за пределы его весьма ограниченных знаний. Он верил, что выбор тех книг и теорий (по большей части случайный), которые он усваивал в юности, позволил ему прикоснуться к Истине, узнать о мире больше остальных. Но на самом деле хорошо известно, что ловкий демагог (какими являются, например, философы) способен извратить любую мораль, представив черное белым и наоборот. Больше того, отсутствие учительского контроля позволяло юному Адольфу выносить произвольные суждения по поводу прочитанного – то есть принимать какого-то автора, а какому-то отказывать в праве на существование.

В итоге важным и верным он считал только то, что соответствовало его собственным глубинным представлениям об устройстве мира, сформированным еще в австрийской «глубинке». От Шопенгауэра Гитлер позаимствовал фатализм и волюнтаризм, отбросив все буддистские элементы. От Ницше – концепцию эволюции и «сверхчеловека», позабыв что философ настаивал на тезисе, согласно которому сверхчеловек на пути самосовершенствования должен бороться с самим собой, а не с окружающими. Гитлер принял от Вагнера расизм и язычество, но отклонил его чисто христианские идеи. Похожим образом он поступил с теориями Елены Блаватской и Гвидо фон Листа.

Тогда же за вычурным узором из философских, мифологических и эзотерических конструкций обнаруживается грубый монолит ярого антисемитизма. Этот элемент мировоззрения будущего фюрера, обернувшийся бедой и смертью для миллионов европейских евреев, также получил развитие в венский период его жизни. Посмотрим, что сам Гитлер говорил по поводу своего отношения к евреям:

«Проходя однажды по оживленным улицам центральной части города, я внезапно наткнулся на фигуру в длиннополном кафтане с черными локонами.

Первой моей мыслью было: и это тоже еврей? В Линце у евреев был другой вид. Украдкой, осторожно разглядывал я эту фигуру. И чем больше я вглядывался во все его черты, тем больше прежний вопрос принимал в моем мозгу другую формулировку.

И это тоже немец? «...»

Но окончательно оттолкнуло меня от евреев, когда я познакомился не только с физической неопрятностью, но и с моральной грязью этого избранного народа.

Ничто не заставило меня в скором времени так резко изменить мнение о них, как мое знакомство с родом деятельности евреев в известных областях.

Разве есть на свете хоть одно нечистое дело, хоть одно бесстыдство какого бы то ни было сорта и прежде всего в области культурной жизни народов, в которой не был бы замешан по крайней мере один еврей? Как в любом гнойнике найдешь червя или личинку его, так в любой грязной истории непременно натолкнешься на еврейчика.

Когда я познакомился с деятельностью еврейства в прессе, в искусстве, в литературе, в театре, это неизбежно должно было усилить мое отрицательное отношение к евреям. Никакие добродетельные заверения тут не могли помочь. Достаточно было подойти к любому киоску, познакомиться с именами духовных отцов всех этих отвратительных пьес для кино и театра, чтобы ожесточиться против этих господ.

Это чума, чума, настоящая духовная чума, хуже той черной смерти, которой когда-то пугали народ. А в каких несметных количествах производился и распространялся этот яд! Конечно, чем ниже умственный и моральный уровень такого фабриканта низостей, тем безграничнее его плодовитость. Этакий субъект плодит такие гадости без конца и забрасывает ими весь город. Подумайте при этом еще о том, как велико количество таких субъектов. Не забудьте, что на одного Гете природа всегда дарит нам 10 тысяч таких пачкунов, а каждый из этих пачкунов разносит худшего вида бациллы на весь мир».

Мифология антисемитизма

Антисемитизм Гитлера имел глубокие корни, подпитываемые культурным стереотипом, сложившимся к началу XX века в Европе, и был вовсе не частным вопросом мировоззрения будущего фюрера, как можно подумать. Наоборот, став уже вполне зрелым политиком, Гитлер неоднократно подчеркивал принципиальность своих позиций по этому вопросу.

Важно, что Гитлер, опять же в силу плохой образованности, не сумел разобраться в национальной ситуации того времени. Ко всему он стал сторонником теории «всемирного еврейского заговора», что весьма распространено среди людей с неокрепшим умом, которые пытаются упростить многообразный и часто хаотичный исторический процесс, придав ему некий смысл и определенность через признание гипотезы о тайных силах, якобы управляющих историей.

С течением времени антисемитизм Гитлера изменился, превратившись из бытового в животный. Гитлер не считал евреев ни народом, ни расой, ни религиозной общностью – для него евреи были «болезнью», симптомом разложения национальной государственности.

Гитлер всерьез полагал и доказывал это своим слушателям, что на Земле существует не имеющее собственной территории, но вполне развитое, универсальное и интернациональное государство евреев. Главное качество этого мифического государства – враждебность по отношению к любому другому национальному государству; главные орудия в «борьбе за выживание» – пацифизм, интернационализм, капитализм, коммунизм, либерализм, демократия и парламентаризм. Все вышеперечисленные доктрины евреи придумали, чтобы помешать другим народам свободно развиваться. По мнению Гитлера, коварные евреи делают вид, что не участвуют в политической борьбе, а на самом деле стремятся к мировому господству, забирая под свой контроль экономику и культуру.

Развивая мысль, Гитлер писал, что еврейский интернационал со своим пацифизмом, мировым коммунизмом и мировым капитализмом нарушает все известные правила игры, лишая нормальные государства даже минимального шанса на защиту своих интересов. При этом он считал, что даже если евреи откажутся от своей религии (иудаизма), это ничего не изменит, так как они не являются религиозной общностью; если они откажутся от своей национальности, смешиваясь с другими народами, – это еще опаснее, ибо таким способом они подорвут здоровье этих народов; если же они откажутся от своей культуры и истории, став правоверными патриотами – немцами, англичанами, французами, – это будет хуже всего: они столкнут эти народы между собой, используя деньги и пропаганду. Гитлер не оставлял евреям ни одной «лазейки» – что бы они ни делали, они отвечали за любые проблемы; так или иначе они должны быть удалены, выселены, ликвидированы.

В итоге доведенный до предельной крайности антисемитизм стал основой расового мифа, культивируемого в Третьем рейхе. Наряду с другими мифами он должен был превратиться в элемент новой религии для империи, которую пытался построить Гитлер в самом центре Европы.

Фронтовик Гитлер

Впрочем, пора вернуться к «страданиям юного Адольфа», в 1912 год.

В том году Гитлер переселился из Вены в Мюнхен. В мемуарах он называл несколько причин переезда. В частности, заявил, что его просто бесило «засилье» евреев в австрийской столице, и с определенного момента он уже не мог их переносить. Скорее всего, эта причина надуманная – для молодого человека куда важнее было попробовать найти применение своим навыкам художника в городе, который считался «культурной столицей» Германии.

Несмотря на то, что доходы после переезда практически не повысились, Гитлер всегда вспоминал два первых года жизни в Мюнхене как счастливейшее время.

Там Адольф сошелся с поэтом-символистом Стефаном Георге. Современники называли его «воплощением римской культуры на рейнской почве» и «Наполеоном при дворе муз». Ницшеанское по своим истокам и антидемократическое по сущности мировоззрение поэта привело его к идеям, близким по своей сути к национал-социализму. Однажды он предсказал, что вскоре в Германии появится герой, который приведет к возрождению страны, Европу и весь мир. Этот сверхчеловек, по словам Георге, сумеет разорвать оковы прогнившего общества, внесет порядок в хаос и посеет семена нового рейха.

Еще накануне Первой мировой войны литературные последователи, единомышленники и поклонники творчества поэта образовали «кружок Стефана Георге» – нечто среднее между богемным литературным салоном и духовно-эстетическим орденом. Называя себя «космистами», члены кружка широко пропагандировали собственные эстетические концепции, придерживались определенного ритуала поведения и даже, в подражание своему лидеру, облачались в черные балахоны. Немало членов этого кружка стали провозвестниками германского фашизма. А один из «космистов» – Альфред Шулер – едва ли не первым в Германии начал использовать в качестве символа свастику.

Когда Гитлер приехал в Мюнхен, он не раз посещал кафе и пивные, где собирались члены «кружка Стефана Георге». Атмосфера, царившая там, пришлась ему по вкусу. Адольф присутствовал на выступлениях Альфреда Шулера и был весьма очарован их антисемитской направленностью и эзотерической насыщенностью. Весьма вероятно, что именно тогда Гитлеру пришла в голову мысль использовать свастику для своего будущего движения...

Начало Первой мировой войны коренным образом переменило жизнь Адольфа. Он и сам понимал, что теперь его жалкому существованию на «дне общества» приходит конец и появляется шанс без всяких усилий попробовать себя на совершенно новом поприще:

«Я испытал в эти дни необычайный подъем. Тяжелых настроений как не бывало. Я нисколько не стыжусь сознаться, что, увлеченный волной могучего энтузиазма, я упал на колени и от глубины сердца благодарил Господа Бога за то, что он дал мне счастье жить в такое время».

Гитлер обратился к королю Баварии Людвигу III с просьбой о зачислении в армию. Его определили в 16-й баварский пехотный полк, набранный в основном из студентов-добровольцев. После нескольких недель обучения Адольф отправился на фронт.

Рис. 4. Адольф Гитлер (второй справа сзади) в берлинском госпитале, 7 октября 1916 года

Гитлер оказался умелым и храбрым солдатом. Первоначально он служил санитаром. Затем всю войну выполнял обязанности связного, доставляя приказы из штаба полка на передовую. За четыре года войны он участвовал в 47 сражениях. Дважды был ранен. 7 октября 1916 года после ранения в ногу Гитлер попал в госпиталь Гермиса под Берлином. Два года спустя, за месяц до окончания войны, он тяжело отравился горчичными газами, примененными англичанами, и временно потерял зрение.

Свою первую награду, Железный крест II степени, Гитлер получил в декабре 1914 года, вторую – Железный крест I степени (редчайшая награда для простого солдата!) – в августе 1918 года. Ходили слухи, что его отметили за удивительный подвиг – он якобы взял в плен пятнадцать французских солдат разом. Сам Гитлер никогда не рассказывал, за что он получил Железный крест I степени – наверное, потому, что представил его к этой награде заместитель командира батальона Гуго Гутманн, еврей по национальности. Для Гитлера с его животным антисемитизмом и верой в тайный заговор признание, что он получил крест от еврея, было равносильно признанию, будто бы он сам участвует в этом заговоре.

Несмотря на столь явные боевые заслуги, Адольф дослужился только до ефрейтора (гефрайтера). Медленное продвижение по службе можно объяснить тем, что для большинства однополчан он казался чудачком, замкнутым и склонным к весьма странным высказываниям.

Один из его боевых соратников вспоминал: «...часто сидел, не обращая ни на кого внимания, в глубокой задумчивости, обхватив голову руками. Затем неожиданно вскакивал и начинал возбужденно говорить о том, что мы обречены на поражение, ибо невидимые враги Германии опаснее, чем самое мощное оружие противника».

Находясь после отравления газами в госпитале, Гитлер узнал о капитуляции Германии:

«В глазах потемнело, и я только ошупью смог пробраться в спальню и бросился на постель. Голова горела в огне. Я зарылся с головой в подушки и одеяла.

Со дня смерти своей матери я не плакал до сих пор ни разу. В дни моей юности, когда судьба была ко мне особо немилостива, это только закаляло меня. В течение долгих лет войны на моих глазах гибло немало близких товарищей и друзей, но я никогда не проронил ни одной слезы. Это показалось бы мне святотатством. Ведь эти мои дорогие друзья погибли за Германию... Но теперь я не мог больше, я – заплакал. Теперь всякое личное горе отступило на задний план перед великим горем нашего отечества.

Итак, все было напрасно. Напрасны были все жертвы и все лишения. Напрасно терпели мы голод и жажду в течение бесконечно долгих месяцев. Напрасно лежали мы, испытывая замирение сердца, ночами в окопах под огнем неприятеля, выполняя свой тяжкий долг. Напрасна была гибель двух миллионов наших братьев на фронте. Не разверзнутся ли теперь братские могилы, где похоронены те, кто шел на верную смерть в убеждении, что отдает свою жизнь за дело родной страны? Не восстанут ли от вечного сна мертвецы, чтобы грозно призвать к ответу родину, которая теперь так горько над ними надсмеялась? За это ли умирали массами немецкие солдаты в августе и сентябре 1914 г.? Для того ли приносились все эти неисчислимые жертвы, чтобы теперь кучка жалких преступников могла посягнуть на судьбы нашей страны».

Рис. 5. Адольф Гитлер на митинге в Мюнхене, 2 августа 1914 года

Это горькое разочарование привело к тому, что Гитлер решил всерьез заняться политикой:

«Спустя несколько дней мне стала ясна моя собственная судьба. Теперь я только горько смеялся, вспоминая, как еще недавно я был озабочен своим собственным будущим. Да разве не смешно было теперь и думать о том, что я буду строить красивые здания на этой обесчещенной земле. В конце концов я понял, что совершилось именно то, чего я так давно боялся и поверить чему мешало только чувство. Мое решение созрело. Я пришел к окончательному выводу, что должен заняться политикой...»

Информация к размышлению: Антисемитизм в России

Давайте признаем, антисемитизм в России был, есть и, наверное, еще будет.

Герман Гессе как-то сказал, что «антисемитизм – это обращенная форма комплекса неполноценности перед древним интеллигентным народом». А в России всегда хватало людей, которые испытывают комплекс неполноценности, сравнивая свою жизнь с жизнью других народов. Прежде всего, нам самим не хватает единства, а потому мы с завистью смотрим на тех, у кого получается держаться вместе и не чувствовать себя одиноким рядом с братьями по крови и культуре.

Но время идет, совсем новые русские подрастают, у них уже возникает тяга к созданию национальной общности, которой были начисто лишены люди моего поколения, и когда-нибудь, я верю, русский сможет не бояться другого русского, не будет стремиться унижить его, доказывая свою исключительность, и будет помнить, что даже самый глупый, больной и бедный русский – все же свой, родной, разделяющий с тобой глубинное понимание нашей «самости», недоступное другим народам.

Только через развитие русского самосознания, которое станет общим и для жителя Москвы, и для жителя Санкт-Петербурга, и для жителя Владивостока, удастся сохранить Россию и русскую культуру. Если же мы или наши дети не успеем создать общность, значит, наша страна обречена распасться на отдельные государства, где процесс формирования национальной идентификации проживающих на конкретных территориях народов будет локализован и приведет к многочисленным конфликтам, какие всегда возникают при разрушении крупных государств.

Но будем надеяться на лучшее. История уже поставила перед нами проблему выживания, а следовательно, какое-то решение не заставит себя ждать. Главное – не скатиться в «глобальный комплекс неполноценности» и не начать ненавидеть другие нации только потому, что мы не умеем пока разбираться со своей.

Урок Германии в этом смысле для нас более чем ценен. Антисемитизм в немецкоговорящих странах наличествовал и до прихода Гитлера к власти. Многие избиратели, голосовавшие за национал-социалистов, даже не придавали какого-либо значения антисемитизму их фюрера, так как антисемитизм давно стал частью европейского культурного стереотипа, на которую с определенного момента просто перестали обращать внимание.

Американский историк Моссе однажды предположил, что если бы европейцам в начале XX века сказали, что в течение жизни поколения одна из наций уничтожит большинство европейских евреев, то они предположили бы, что на такое способны французы или русские, но немцев назвали бы в последнюю очередь. И действительно – яркий антисемитизм не был присущ даже немецким правым. Канцлер Бисмарк как-то заметил, что, может, в Париже богатые евреи и оказывают дурное влияние на общество, но в Берлине они, наоборот, приносят большую пользу.

Нацистское «новаторство» в обосновании антисемитизма основывалось на том, что Гитлер рассматривал расовое смешение как биологическое отравление и причиной этого «отравления» считал евреев, что совершенно не вязалось со старомодным немецким антисемитизмом.

Но именно эта его бредовая теория позволила взвалить на евреев всю ответственность за поражения прошлых лет и в противостоянии с вымышленным врагом сплотить немцев. Общность всегда легче создавать, отталкиваясь от образа врага, который претендует на разрушение всего святого, что у тебя еще осталось.

Психолог Ютта Рюдигер, ставшая в середине 1930-х годов одной из руководительниц женского движения в Третьем рейхе, вспоминала:

«Я увидела, что под впечатлением выступлений и высказываний Гитлера люди разных классов, которые прежде ожесточенно противостояли друг другу, слились в единую и сплоченную нацию под влиянием одного простого человека, который заявил, что национализм и социализм взаимообусловлены, что это даже одно и то же и что людей нужно оценивать не по их финансовому состоянию, а по их способности к борьбе за национальную общность».

Немецкие нацисты всегда очень тщательно фиксировали полюсы противостояния, которые ставились в зависимость друг от друга: «арийства» не могло быть без «еврейства» (Гитлер), «германства» без «славянства» (Гиммлер), «нордической крестьянской расы» без «варваров-кочевников» (Вальтер Дарре). Излишне говорить, что на деле никакого противостояния в этих диалектических парах не было, а были культурные стереотипы, мнимые антагонизмы, вымышленная несовместимость, устойчивые социальные мифы, которые по мере необходимости вызывались к жизни. Но тем не менее это действовало!

Сегодня способы идеологической обработки масс стали во сто крат более изощренными, чем во времена Гитлера. Но суть остается все та же – через противостояние, через ненависть к врагу можно добиться временного единства самых разных людей, которых до тех пор ничто не связывало друг с другом.

Это очень опасный прием, и граждане современной России, как и немцы Германской (Веймарской) республики, не застрахованы от воздействий подобного рода.

Первая форма нацизма, зародившегося внутри демократической России после крушения СССР, еще не имела четкой ориентации на антисемитизм. Члены общества «Память» и «Русского национального единства» говорили о том, что необходимо взять под контроль национальные меньшинства, запретить миграцию, ввести особые привилегии для титулярной нации, которые будут недоступны всем остальным. После кровавой осени 1993 года, когда мятежный Верховный Совет поддержали самые радикальные националистические партии, в русском национализме все большее значение стала приобретать нота антисемитизма – причем самого грубого, гитлеровского, образца.

Процесс перестройки общественных взглядов в этом направлении шел медленно, но он шел. И к 2005 году мы доболтались уже и до «мирового еврейского капитала», который целенаправленно разрушает Россию руками олигархов, наживших свои состояния на хищнической эксплуатации наших недр. Говорящие так вполне сознательно замалчивают тот простой факт, что никакая олигархия (будь она хоть трижды еврейская) не способна ограбить и разрушить страну, если ей в этом не помогают коррумпированные чиновники всех уровней власти. Но как раз чиновники, от рядового начальника ЖЭКа до президента, воспринимаются нами в качестве части народа, и где-то в глубине «загадочной русской души» мы даже сочувствуем им и боимся лишний раз напомнить о себе.

Можно было бы считать это частной проблемой, связанной с устаревшей ментальностью, однако национализм всегда наступает широким фронтом. Прилавки буквально завалены литературой антисемитского толка. Я не буду перечислять здесь авторов и названия, чтобы не создать им дополнительную рекламу и не вызвать обвинений в доносительстве, но отмечу, что всего лишь три года назад я не мог себе представить ничего подобного: тогда книжки националистов выходили за счет средств автора, печатались небольшими тиражами на плохой бумаге и были интересны разве что таким же страдающим «комплексом неполноценности» читателям, как и сами авторы, – но сегодня вся эта маргинальная субкультура расцвела пышным цветом. А издатель? Что издатель? Он вкладывает деньги только в те проекты, которые гарантируют прибыль. Хорошо идет «Моя борьба» Гитлера? Будет вам «Моя борьба» миллионным тиражом.

Спрос на объяснение природы всех проблем через конспирологическую модель «всемирного еврейского заговора» породил и предложение со стороны политиков, которые заботятся о росте своего рейтинга. Вот уже и Дмитрий Рогозин, лидер фракции «Родина» в

Государственной думе, призывает к «национально-освободительному восстанию против диктатуры олигархов» (обратите внимание на приставку «национально»!) Вот уже 500 известных персон, среди них – 20 депутатов Госдумы из фракций коммунистов и «Родины» – подписали обращение в Генпрокуратуру, в которой просили официально возбудить дело о запрете «всех религиозных и национальных еврейских объединений».

Для нас все это что? Для нас все это – ничего. Подобно немцам тридцатых, мы настолько привыкли к бытовому антисемитизму, он для нас кажется столь незначительным и неопасным, что мы разучились различать грань между безответственной болтовней и государственной идеологией, которую переступить нельзя ни в коем случае.

В странах, где идет активная борьба за искоренение националистических тенденций, наше общее молчание по поводу бесчинств антисемитов воспринимается зловещим. И вот уже Госдепартамент США в своем ежегодном докладе об антисемитизме («Report on Global Anti-Semitism») назвал Россию и Белоруссию странами, где это явление представляет собой «серьезную проблему». По расчетам Госдепа, число так называемых скинхедов выросло в 2004 году до 50 тысяч – откуда они взяли эту цифру?

«По всей стране легкодоступны ряд небольших, радикально-националистических газет, – сообщают авторы доклада. – Они печатают антисемитские, антимусульманские и ксенофобские материалы, многие из которых являются нарушением законов о борьбе с экстремизмом. Тем не менее выпуск этих материалов продолжается, и их издатели редко наказываются».

Отмечается, что депутаты Думы легко позволяют себе антисемитские высказывания. Лидерство принадлежит руководству «Родины» и главе ЛДПР Владимиру Жириновскому. Коммунистическая партия Российской Федерации также делала антисемитские заявления в ходе выборов в Думу.

Самым распространенным преступлением стало надругательство над еврейскими кладбищами. В 2004 году подобные инциденты были зафиксированы в Брянске, Вятке, Калуге, Костроме, Петрозаводске, Пятигорске, Санкт-Петербурге и Ульяновске...

Очевидно, каким-то группам внутри Российской Федерации и за рубежом выгодно, чтобы русских воспринимали как дремучих антисемитов, наследников Гитлера и Третьего рейха. Это позволило бы многим русофобам и сепаратистам потребовать изоляции нашей страны, а новым империалистам – пересмотра итогов Второй мировой войны.

Но самое страшное в другом. Националисты (и прежде всего антисемиты) дискредитируют процесс формирования русской национальной общности. Словосочетание «русский патриот» стало бранным, а любые рассуждения о статусе русских среди других народов, о их будущем в рамках мирового сообщества воспринимаются в штыки на Западе и на Востоке – их преподносят как попытку возродить великодержавный шовинизм, отягощенный ненавистью к соседним странам и малым нациям.

А задержка в формировании национальной общности чревата, как я уже писал, распадом и исчезновением русской России...

Глава третья. Погружение в ад

Хроника: 21 апреля 1945 года

В развитие Берлинской операции танковые армии под командованием генералов армии Рыбалко и Лелюшенко (Первый Украинский фронт) достигли южного участка внешнего оборонительного обвода и вышли к южным окраинам Берлина.

Артиллерийские снаряды начали рваться на улицах города. Глухие отзвуки взрывов можно было слышать даже находясь в бункере, где в этот момент Кребс и Йодль докладывали Гитлеру. Войска Буссе и Мантейфеля держались неплохо, но Жукову удалось прорвать оборону у Врицена, и его войска почти достигли Ораниенбурга. Под угрозой окружения оказалась армия Мантейфеля. Для того чтобы не допустить этого, в бой был брошен небольшой резерв – ядро нового танкового корпуса под командованием генерала Феликса Штайнера.

Гитлер встрепелся. Для него имя «Штайнер» было магическим. В феврале благодаря отчаянной атаке Штайнера в Померании удалось задержать продвижение Жукова. Фюрер принялся сосредоточенно рассматривать карту. Наконец он поднял голову. Глаза его блестели. Контрнаступление! – вот что нужно. Штайнер нанесет сокрушительный удар с юго-востока и разгромит передовые части Жукова. Одним ударом можно спасти Берлин и лишить русских возможности окружить Мантейфеля.

«Офицер, который допустит бегство своих солдат, будет расстрелян в течение пяти часов!» – твердо заявил он.

Возражений не последовало, и приказ передали на фронт. Из всех невероятных приказов, полученных Штайнером за последние несколько месяцев, этот был самым фантастическим. Его «танковые войска» были только названием. Они насчитывали десять тысяч солдат и офицеров, прибывших из Данцига и Штеттина кораблями. С этими изможденными людьми и горсткой танков ему предстояло разгромить сотысячную армию, действовавшую при поддержке авиации и мощной танковой группировки...

Реалии Веймарской республики

Изучение начального периода жизни Адольфа Гитлера так и не дало нам ответа на вопрос: в чем сила его поистине магического воздействия на людей? Яркий, практически животный антисемитизм, который сформировался, по утверждению самого героя нашего рассказа, еще в период его нищенского существования в столице Австрии, был неплохим инструментом для объединения масс на какой-то период, но вряд ли он был способен играть на дальнесрочную перспективу – все-таки немцы (особенно – живущие в больших городах Германии) в большинстве своем довольно спокойно относились к евреям и, чтобы повести их к созданию новой империи, требовалось нечто большее, чем пустопорожние разглагольствования о существовании расы-паразита, выедающей организмы здоровых наций изнутри.

Значит, все-таки не антисемитизм? Тогда что? Какие силы способствовали возвышению скромного ефрейтора?

В советской исторической науке долгое время отрицалось влияние личности на историю. И это понятно, ведь основоположники – Карл Маркс с Фридрихом Энгельсом – прямо указывали, что движущей силой истории являются не отдельные личности, а антагонизмы классов, приводящие к непримиримой борьбе с последующим революционным изменением общественного строя.

Рис. 6. Реалии Веймарской республики: ветеран Первой мировой войны принимает подаяние на берлинской улице

Советские писатели в меру сил и таланта иллюстрировали данную теорию своими произведениями. Например, в библиографии фантаста Севера Гансовского можно найти рассказ «Демон истории», впервые опубликованный в 1968 году. Гансовский провел интересный мысленный эксперимент: что если бы Гитлер так и остался безвестным художником на обочине жизни? Вывод неутешителен: все равно немецкий народ выбрал бы себе диктатора, который погрузил бы Европу в кровавый хаос:

«На рассвете 15 августа воодушевленные бешеными речами Отца колесные полчища Объединенных Земель ринулись вперед. Катающиеся мины прокладывали путь пехоте в противогазных шлемах, длинные – в сорок метров, – низко летящие снаряды быстро разрушили пограничные укрепления противника, и словацкие крестьяне удивленно смотрели, как с грохотом разворачивается перед ними несокрушимая военная машина Астера. „...“

Под утро 21 августа по приказу Юргена Астера сто пятьдесят субмарин всплыли на всем протяжении водного пути, связывающего Старый и Новый Свет, и первые торпеды ударили в мирные пассажирские суда. Среди потопленных на рассвете кораблей был и лайнер “Уэллс”, на борту которого находилось двести американских граждан – в том числе восемнадцать детей.

Величайшая всемирная война началась...»

Вымышленный Юрген Астер, Отец Объединенных Земель, внешне очень мало походит на Гитлера, но он столь же харизматичен, агрессивен и энергичен. Именно такой, по мнению советского писателя, человек мог возглавить немецкую нацию и повести ее в завоевательный поход против человечества. Разумеется, и без преступлений против человечно-

сти тоже не обошлось – только в мире Астера газовые камеры и печи концентрационных лагерей были заменены на эвроспиртовые растворительные котлы.

Конечно же, подобные умозрительные эксперименты представляют чисто теоретический интерес и почти всегда страдают тенденциозностью, которая напрямую завязана на субъективное представление автора о том или ином историческом периоде. И все же некоторую правоту за советской исторической наукой следует признать. Приход Гитлера (или фигуры, близкой по идеологии) к власти в разоренной войной Германии представляется неизбежным. Слишком много обид и претензий к окружающему миру накопили немцы, чтобы этот их эмоциональный запал сошел вдруг на нет. Достаточно вспомнить, в какие условия попала Германия после войны, в которой почти уже победила...

Первая мировая война закончилась в 11 часов утра 11 ноября 1918 года прекращением военных действий на европейских фронтах.

Перед тем целую неделю Германию сотрясала лихорадка революции. Еще 7 октября в Берлине состоялась нелегальная конференция коммунистической организации «Союз Спартак», которая призвала пролетариат к революционному свержению власти германского империализма и милитаризма, к установлению в Германии демократической республики. Однако восстание началось не в центре страны, а на ее окраине – в Киле. Поводом к нему послужил приказ командования немецкого флота о выходе кораблей в открытое море для решительного боя с англичанами. Матросы отказались выполнить приказ. Командование ответило массовыми арестами. 3 ноября моряки организовали демонстрации и митинги протеста. На следующий день к трем тысячам восставших матросов присоединились 20 тысяч солдат гарнизона Кили. Еще через два дня восстание охватило Гамбург, Бремен, Любек, Вильгельмсхафен.

На волне революционных выступлений к власти пришло правительство социалистов. 6 ноября была образована комиссия по перемирию во главе со статс-секретарем ведомства иностранных дел Маттиасом Эрцбергером. Через два дня германская делегация прибыла на железнодорожную станцию Ретонд в Компьенском лесу, где ее принял французский маршал Фердинанд Фош. Были зачитаны условия перемирия. Они предусматривали прекращение военных действий, вывод германских войск из оккупированных ими районов Франции, Бельгии и Люксембурга, а также Эльзас-Лотарингии. Войска Антанты занимали левый берег Рейна (причем содержание армии победителей целиком возлагалось на Германию), а на правом берегу предусматривалось создание демилитаризованной зоны. Германия обязывалась немедленно возвратить на родину всех военнопленных, а также эвакуировать свои войска с территории стран, входивших ранее в состав Австро-Венгрии, из Румынии, Турции и Восточной Африки. Кроме того, Германия обязалась выдать Антанте значительное количество военного снаряжения, включая 5 тысяч артиллерийских орудий и 25 тысяч пулеметов, 5 тысяч паровозов, 150 тысяч вагонов, 2 тысячи самолетов, 10 тысяч грузовых автомобилей, 6 тяжелых крейсеров, 10 линейных кораблей, 8 легких крейсеров, 50 эсминцев и 160 подводных лодок. Остальные корабли германского военно-морского флота разоружались и интернировались союзниками.

Фош решительно отверг любые попытки германской делегации завязать переговоры по поводу условий перемирия. Фактически это означало требование безоговорочной капитуляции.

В ночь с 9 на 10 ноября Вильгельм II бежал в Голландию. Пост канцлера взял в свои руки лидер социалистов Фридрих Эберт. Социалист Густав Шейдеман провозгласил социалистическую республику, а Карл Либкнехт провозгласил Германскую советскую республику.

Уже вечером 10 ноября Берлин принял все условия, выдвинутые противником. Командующий 1-й американской армией генерал Джон Джозеф Першинг, узнав об этом, огорчился.

«Я боюсь того, что Германия так и не узнает, что ее сокрушили, – сказал он. – Если бы нам дали еще одну неделю, мы бы научили их».

Возможно, генерал Першинг переоценил свои силы, и на самом деле для окончательного «сокрушения» Германии и ее союзников понадобились бы месяцы и месяцы ожесточенных боев. Так или иначе, но теперь создавалась почва для рождения легенды о предателях, которые подписали унизительное перемирие. И легенда не заставила себя ждать. Генерал фон Айнем, командир третьей германской армии, обратился к своим войскам: «Непобежденные, вы окончили войну на территории противника». Таким образом, еще не успели отгреметь выстрелы артиллерийского салюта, возвещающего победу Антанты, а идеи реванша уже витали над поверженной Германией...

Не приходится удивляться и тому, с какой наглостью и высокомерием вели себя весной 1919 года генералы разбитой армии, приехавшие во французский город Версаль, чтобы подписать договор, официально завершающий Первую мировую войну. Они не считали себя побежденными, в этом-то все и дело.

Министр иностранных дел Германской республики граф Брокдорф-Ранцау, едва заполучив толстенький том с предварительными условиями мира, взял слово и сказал: «Мир, который не может быть перед лицом всего света защищен во имя права, неизбежно будет вызывать противодействие. Ни у кого не хватит совести подписать его, потому что он невыполним».

После долгих споров, в которых германские представители убеждали бывших врагов смягчить условия, 22 июня 1919 года был подписан договор, названный впоследствии Версальским. Правительство Германской республики согласилось с условиями мира лишь за четыре часа до определенного противниками срока и под угрозой возобновления военных действий. Накануне рейхспрезидент Эберт спросил фельдмаршала Гинденбурга и генерала Тренера, есть ли у Германии возможность защитить себя в случае обострения ситуации? Обуреваемый эмоциями Гинденбург просто вышел из комнаты, Тренер же стоически объяснил, что на Востоке Германия дееспособна, а на Западе она обезоружена...

Условия мирного договора, по которым предстояло жить послевоенной Германской республике, были необыкновенно жестки. (Кстати, название «Веймарская республика» появилось много позже как обозначение непродолжительного периода в истории Германии, который немцам пришлось провести под сенью Конституции, разработанной заседавшим в Веймаре Германским учредительным национальным собранием и вступившей в силу 11 августа 1919 года.) Согласно этим условиям, Германия возвращала Франции спорную область Эльзас-Лотарингия (в границах 1870 года), Бельгии – округа Мальмеди и Эйпен, а также так называемую нейтральную и прусскую части Морене, Польше – Познань, части Поморья и другие территории Западной Пруссии. Данциг был объявлен «вольным городом», город Мемель (Клайпеда) передали в ведение держав-победительниц (потом его присоединили к Литве). В результате плебисцита часть Шлезвига перешла к Дании, часть Верхней Силезии – к Польше. К Чехословакии отошел небольшой участок силезской территории. Саар переходил на 15 лет под управление Лиги Наций. Угольные шахты Саара были переданы в собственность Франции. Германская часть левобережья Рейна и полоса правого берега шириной в 50 километров подлежала демилитаризации. Германия лишалась всех своих колоний, которые позднее были поделены между державами-победительницами. Германия обязывалась возместить в форме репараций убытки, понесенные правительствами и отдельными гражданами стран Антанты в результате военных действий. И главное – вооруженные силы Германии ограничивались 100-тысячной сухопутной армией; обязательная военная служба отменялась, а основная часть сохранившегося военно-морского флота подлежала передаче...

Однако за потерей земель для немцев стояло нечто большее, чем просто сокращение государства. Ведь вместе с областями и природными ресурсами у Германии отнимали и часть немецкого народа. Вопреки декларированному Антантой праву наций на самоопределение, австрийским немцам запретили воссоединение с Германией, и это при том, что Учредительное собрание в Вене единогласно высказалось за «мирный» аншлюс. Судетская область, населенная немцами, была передана в состав новообразованной Чехословакии – три миллиона богемских немцев остались жить с семью миллионами чехов. Верхняя Силезия (польский Шленск Гурный) определила будущее референдумом, на котором за Германию проголосовало 707393, а за Польшу – 479365 опрошенных. Так же, в пропорции 2:1, Силезию и разделили. В Эльзасе и Лотарингии для 85 % жителей родным оставался немецкий язык, а селяне поголовно не знали французского даже в 1920-х. Сторонники эльзасской автономии в составе Германии победили на выборах 1928 и 1929 годов, но Франция не допустила такой вольности. В отторгнутом у Германии Данциге (нынешний Гданьск) из 327 тысяч жителей 317 тысяч были немцами. А «данцигский коридор» из Польши к Балтийскому морю (шириной до 100 километров) отсекал от единой Германии ее Восточную Пруссию с Кенигсбергом (ныне – Калининград)...

Но и это еще не все. Из-за духа реванша, витавшего над равнинами Пруссии, Баварии и Силезии, немецкую республику постоянно лихорадило и бросало во все тяжкие.

Вскоре после принятия конституции произошло несколько вооруженных антиправительственных выступлений. Националисты организовывали убийства социалистов, католиков, евреев. Силезские поляки боролись за выход из Германии. Ряд бывших офицеров, ветеранов-фронтовиков и националистические группы начали готовить переворот.

В марте 1920 года случился путч под руководством крупного землевладельца Вольфганга Каппа и генерала Вальтера фон Лютвица. Добровольческие части из новой республиканской армии вошли в Берлин и низложили правительство. Капповский путч провалился, но только потому, что против него выступил пролетариат, объявивший всеобщую забастовку. Затем уже и сам пролетариат попытался взять власть в свои руки, что привело к Гамбургскому вооруженному восстанию.

Рис. 7. Реалии Веймарской республики: литография Георга Гросца «Голод», 1924 год

Политическая нестабильность отягощалась экономическим коллапсом. Признание поражения в затяжной и кровопролитной войне буквально уничтожило экономику Германии. Международные кредиты, взятые у нейтральных стран, были исчерпаны, а новое правительство стояло перед необходимостью демобилизации армии и перевода промышленности на производство мирной продукции, страна была оккупирована, ощущался недостаток продовольствия. В этой ситуации республика распродала свой золотой запас для финансирования закупок продовольствия, не имея возможности ни экспортировать произведенные в Германии товары для снижения дефицита торгового баланса, ни прибегать к кредитам, внутренним или внешним. Эмиссия бумажных денег привела к гиперинфляции. В ноябре 1923 года один американский доллар стоил в Кельне 4 триллиона марок. Окончательное уничтожение национальной валюты было предотвращено искусственной стабилизацией марки на уровне 4200 миллиардов марок за доллар. Была выпущена временная валюта – так называемая рентная марка, на которую обменивались обесценившиеся деньги (из расчета 1 трил-

лион бумажных марок за 1 рентную марку). В 1924 году рентные марки были заменены рейхсмарками, частично обеспеченными золотовалютными запасами. Гиперинфляция полностью уничтожила сбережения населения и разорила многие страховые компании, промышленные корпорации и небольшие фирмы.

Не следует забывать и о бремени репараций, наложенных на Германскую республику условиями Версальского договора, который обязал ее выплатить державам-победителям 132 миллиарда золотых марок в течение 66 лет, то есть регулярная двухмиллиардная дань была запрограммирована аж до 1985 года (!).

Даже вождь большевиков Владимир Ленин осудил такой жестокий подход своим знаменитым высказыванием: «Война путем Версальского договора навязала такие условия, что передовые народы оказались на положении колониальной зависимости, нищеты, голода, разорения и несправедливости, ибо они на многие поколения договором связаны и поставлены в такие условия, в которых ни один цивилизованный народ не жил. Это неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов».

Лишь в 1924 году правительству Штресемана удалось переломить ситуацию. По соглашению с американским правительством (план Дауэса) США давали Германской республике кредит в 200 миллионов долларов на восстановление экономики. К 1927 году трудолюбивые немцы превзошли довоенный уровень развития, в 1931 году, по согласованию с финансистами США, Германия, которой управлял рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург, прекратила выплату репараций...

Рис. 8. Реалии Веймарской республики: очередь безработных на биржу труда в Ганновере, 1930 год

Однако до 1931 года нужно было еще дожить. А выживать в этих условиях оказалось очень сложно. Миллионы людей едва сводили концы с концами, сотни тысяч – голодали. Самыми уязвимыми в этих условиях оказались не только инвалиды и старики, но и молодые ветераны – вчерашние мальчишки, которых вытащили из-за парты и отправили на фронт. Они должны были умереть на полях сражений, в штыковых атаках под убийственным пулеметным огнем, но внезапное заключение мира сохранило им жизнь, породив на свет комплекс «потерянного поколения». Эти мальчишки ничего не умели, кроме как ходить в штыковые атаки, и в обычной жизни оказались выброшены за борт национальной экономики, пополнив очереди на получение временной работы или гуманитарной похлебки.

Весьма типичной на этом этапе выглядит биография одного из лидеров национал-социалистического движения – «нациста номер два» Германа Геринга (Goering), который закончил войну героем, лучшим асом кайзеровской Германии, командовавшим знаменитой эскадрильей Манфреда фон Рихтхофена – непобедимого Красного Барона. Геринг демобилизовался в конце 1919 года в чине капитана. На его груди красовались Железный крест I степени, орден Льва с мечами, орден Карла Фридриха, орден Гогенцоллернов III степени с мечами и орден «За заслуги». После демобилизации Герингу пришлось искать себе работу. Он числился военным летчиком, а в рейхсвере не было ВВС. Кроме того, мешали политические соображения: Геринг был противником Версальского договора и Веймарской республики, а потому предпочел зарабатывать показательными полетами в Дании и в Швеции. Много денег он на том не нажил и по возвращении в Баварию еле-еле сводил концы с концами. Осенью 1922 года Франция потребовала от германского правительства выдачи целого

ряда «военных преступников», среди которых числился и Геринг. Понятно, что это вызвало невероятную ярость у молодого ветерана, в результате чего он и подался к нацистам, которые открыто выступали против республиканского правительства и требовали пересмотра условий Версальского договора...

Среди тех, кто испытывал сильнейшее разочарование итогами войны, был и Адольф Гитлер. Скажем больше, он мало отличался от других представителей «потерянного поколения», будучи плотью от плоти «фронтового братства», которому, как считали молодые ветераны, нанесли предательский удар в спину.

Мировоззрение Гитлера в то время состояло из представлений среднего интеллигента – он верил в догматы социал-дарвинизма, описывающего любое развитие общества через извечную и непримиримую борьбу народов, верил в приоритет расы над отдельным человеком, верил в силу выдающихся личностей, способных заставить расу работать на достижение великой цели и переломить ход истории. Верил ли Гитлер тогда в свое «предназначение»? Вопрос остается открытым. Ряд историков считает, что да, верил. Другие, наоборот, утверждают, что время для амбициозных фантазий еще не наступило. В любом случае Гитлер нуждался в поддержке – кто-то должен был разглядеть в нем задатки харизматичного лидера, достаточно циничного и напористого, чтобы не остановиться на полпути. Гитлер нуждался в учителях и соратниках.

Учителя нового мессии: Дитрих Эккарт

Перспективы политической карьеры в Германии для урожденного Австрии без влиятельных друзей и надлежащего финансирования были не слишком радужными. Ко всему прочему Гитлеру не хватало образования. Но на этот раз судьба улыбнулась ему.

Невольным «акушером» нового политика стал историк Карл Александр фон Мюллер. Он поддерживал тесные контакты с националистически настроенным офицерством, захватившим в то время мюнхенскую политическую арену. На одном из солдатских митингов Мюллер обратил внимание на молодого оратора, отличавшегося захватывающим красноречием.

«Я увидел, – рассказывал Мюллер впоследствии, – бледное худое лицо, не по-солдатски падающую на лоб челку, коротко подстриженные усики. Однако что поразило меня, так это неестественно большие голубые глаза, светившиеся ледяным фанатизмом».

Мюллер обратился к стоявшему с ним рядом бывшему однокласснику – капитану генерального штаба Майру: «Знаешь ли ты, что среди твоих подопечных есть парень с прирожденным ораторским талантом?»

Карл Майр, начальник отдела, отвечавшего за пропаганду и работу с прессой в штабе IV военного округа, дислоцированного в Баварии, мгновенно понял, о ком идет речь: «Это же ефрейтор Гитлер... Эй, Гитлер, быстро ко мне!»

Ефрейтор подошел. В его скованных, несколько неуклюжих движениях Мюллер разглядел своеобразную смесь из неуверенности в себе и упрямства. Эта сцена наглядно иллюстрирует зависимость раннего Гитлера от офицеров баварского рейхсвера, соблюдение субординации, чувство подобоострастия перед старшими по воинскому званию, от которого будущий фюрер долго не мог избавиться...

С июня 1919 года отдел Майра, размещенный в здании штаба округа баварского военного министерства на мюнхенской Шенфельдерштрассе, начал вербовать осведомителей в различных воинских частях, расквартированных на территории Баварии. В списках агентов появилась и фамилия Адольфа Гитлера. Везде, где Майру требовалась поддержка на идеологическом фронте, он направлял туда информатора Гитлера, который всегда был готов вступить в полемику, покричать на митинге, «завести» толпу. Со временем ефрейтор сделался настолько незаменимым, что капитан в переписке с ним сменил командирский тон на более вежливую форму, обращаясь к нему: «Многоуважаемый господин Гитлер!» Вскоре австриец стал не только частым гостем на Шенфельдерштрассе, но и получил право называться «политическим сотрудником» капитана Майра.

23 августа 1919 года осведомитель рейхсвера Лоренц Франк с восторгом докладывал по инстанции: «Гитлер – прирожденный народный трибун! Своей манерой держаться и страстным фанатизмом он без труда приковал к себе внимание митингующих».

Заметные успехи ефрейтора подвигнули капитана использовать своего агента на более ответственном участке. Помимо пропаганды в задачи отдела Майра входило освещение деятельности политических партий и организаций, появившихся на территории Баварии. 12 сентября 1919 года Гитлеру приказали заняться «разработкой» маленькой политической группы, называвшейся Германской рабочей партией (Deutsche Arbeiterpartei, DAP). Собрания этой группы проводились в мюнхенских пивных. Эта партия не имела никакой твердой программы, ее казна была скудна, а перспективы более чем призрачны. Однако Гитлеру показалось, что идеи, проповедуемые этой партией, во многом совпадают с его собственными. Он вступил в нее под номером 55, а позднее получил билет № 7 как член исполнительного комитета.

«Это было труднейшим вопросом моей жизни, – признавался Гитлер, – должен ли я присоединиться? После двух дней мучительных колебаний и раздумий я наконец пришел к выводу, что должен сделать этот шаг. Это был самый решительный шаг в моей жизни».

Гитлер получил членский билет, а вместе с ним и новых знакомых. Среди них был Дитрих Эккарт (Eckart) – немецкий поэт-националист. Он подрабатывал журналистикой, активно выступал против революции 1918 года, которую считал инспирированной евреями. Сблизившись с националистически настроенными кругами, Эккарт стал членом Германской рабочей партии, где и познакомился с Гитлером.

Будучи поклонником Шопенгауэра и Ницше, Эккарт считал себя знатоком тайных учений. Когда-то он много путешествовал по миру, был в Северной Африке, посещал старинные мусульманские крепости в Испании, изучал историю арабской оккупации на Сицилии. Еще он был алкоголиком и наркоманом и на этой почве умудрился угодить в психиатрическую лечебницу, где ставил пьесы, актерами в которых выступали его друзья по несчастью.

В 1919 году, живя в Мюнхене, Эккарт пропагандировал свои взгляды в дешевых кабаках города. При этом он открыто заявлял, что Германией должен править диктатор: «Во главе нам нужен парень, способный переносить звуки рвущихся снарядов. Никто из офицеров не подойдет, ибо люди потеряли к ним уважение. Лучше всего – рабочий, умеющий хорошо болтать. Ему не понадобится много мозгов. Он должен быть холостяком, чтобы привлечь в наши ряды женщин».

Эккарт был уверен, что самой судьбой ему предназначено подготовить путь для такого лидера. Понятно, что, познакомившись с Гитлером, Эккарт увидел в нем самого подходящего на эту «должность» человека.

«Вот тот, для кого я – пророк и предтеча!» – говорил он, указывая на молодого оратора.

Под чутким руководством Эккарта бывший ефрейтор выявил свои дремавшие таланты. Оккультисты сказали бы, что благодаря магической технике он развил заложенный в нем потенциал. И действительно, с поражающей воображение быстротой Гитлер стал набирать популярность, превратившись в своего рода движущую силу пропагандистской кампании, вытаскившей маленькую партию из пивных на многолюдные митинги.

Прослушивая старые записи выступлений Гитлера, невозможно поверить в многократно отмеченную мемуаристами завораживающую силу его речей, а эмоциональность фюрера и намеренная вульгарность стиля еще более затрудняют понимание.

Пытаясь объяснить этот феномен, историк Иоахим Фест указывал, что секрет, видимо, заключается в магической связи, возникавшей между оратором и слушателями, как только с уст Гитлера срывалась первая фраза. Во время публичных выступлений, когда Гитлер выходил из себя, его речь, обычно неловкая и нерешительная, вдруг превращалась в завораживающий поток слов. Причем все выглядело так, будто бы он сам подчинялся какому-то чуждому разуму, на время вступившему в обладание его душой. Затем, истощив силы, Гитлер вновь становился одиноким человеком, низвергнутым с высот оргиастического экстаза и лишенным той харизматической силы, которая только что давала ему возможность владеть аудиторией.

Один из первых биографов Гитлера Алан Буллок отмечал:

«Манеры Гитлера, эмоциональная природа его речей, приводящих его почти на грань истерии, выплескивающих ненависть и злопамятность, оказывали сильное влияние на аудиторию. Ему удавалось передать свою страсть тем, кто его слушал. Люди стонали и свистели, женщины были не в силах сдерживать рыдания, все были подхвачены колдовской волной мощных эмоций, где смешивались ненависть и возбуждение „...“ Магическая власть, которую он имел над толпой, была схожа с оккультными обрядами африканских колдунов или азиатских шаманов. Ее также сравнивали с чувствительностью медиума или с магнетизмом гипнотизера».

С помощью магии живого слова Гитлер сумел выразить чувство ненависти, переполнявшее его современников, и отразить их желания и надежды. Один из современников писал, что в конце 1944 года, несмотря на ощущение приближающейся катастрофы, толпа продолжает молиться на фюрера.

«И даже, – писал он, – если у нас наберется несколько процентов его противников, ему достаточно произнести одну только речь, как все прибегут к нему снова, все! В самом начале, когда в северной Германии он был совершенно неизвестен, я не раз слышал его в Мюнхене. Никто ему не сопротивлялся. Я тоже. Перед ним нельзя устоять».

Гипнотическое воздействие Гитлера на слушателей-собеседников не ослабло даже после его смерти. Уж насколько упорным скептиком и спорщиком был генерал-полковник Йодль, который никогда не пасовал перед фюрером и всегда был готов возразить ему, – даже он перед казнью по приговору Нюрнбергского трибунала выказывал полную лояльность Гитлеру.

В то же время действие гитлеровских речей имело существенное ограничение – его гипноз никак не действовал на иностранцев: англосаксы, славяне и японцы оставались равнодушны к риторике Гитлера, от которой немцы были в восторге. Может быть, разница в восприятии связана с языковым барьером. А может быть, она в том, что Гитлер обращался к затаенной обиде и скрытым желаниям именно немцев, а эти желания при всей формальной схожести с желаниями других «обиженных» народов все-таки подразумевали особую национальную обособленность, специфическую интонацию. Важно и то, что сам Гитлер был обиженным немцем, типичным выходцем из этой среды, он мог подобрать нужную интонацию.

Фест писал: «То, что в данный момент переживала страна – череду разочарований, упадок, утрату общественного положения, поиски виноватых и объектов ненависти, – уже давно испытал сам Гитлер. С тех пор он имел под рукой все объяснения и отговорки, выучил все лозунги и знал в лицо своих обидчиков; это придавало его собственным формулировкам иллюстративный характер: люди узнавали в нем самих себя...»

Посланцу рейхсвера удалось достаточно быстро стать «звездным» оратором на собраниях и митингах партии, способным заткнуть за пояс любого болтуна. Уже в январе 1920 года ДАП, насчитывавшая в своих рядах всего 64 члена, избрала Гитлера своим главным пропагандистом, утвердила подготовленную при его участии новую партийную программу, а также предложенное австрийцем новое название партии – Национал-социалистская немецкая рабочая партия (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, NSDAP).

Учителя нового мессии: Эрнст Рём

К этому времени у Гитлера сменился «куратор». Карл Майр ушел на пенсию, а на его должность заступил невысокий, плотный офицер, выделявшийся гладко выбритым массивным черепом, покрытым шрамами лицом и вдавленным носом – капитан (хауптманн) Эрнст Рём (Roehm).

Если поэт-националист Эккарт был духовным наставником Гитлера, указавшим ему цель в жизни и пути к достижению власти над толпой, то Рём вывел австрийца-ефрейтора в большую политику. Но для этого будущей жертве гитлеровского режима пришлось поверить в возможности будущего фюрера.

Рём воплощал в себе чаяния поколения разочарованных жизнью офицеров-фронтовиков, которых поражение в войне и крушение монархии кинули в болото нищенской убогой жизни.

Лишенные былого элитарного статуса, бывшие фронтовики усмотрели в новом общественном устройстве, называемом демократией, корень всех бед, постигших родину. Они начали всерьез подумывать о возвращении утраченных социальных позиций, о воссоздании былой боевой мощи империи, уничтоженной союзниками в 1918 году.

Так, Рём рассматривал Баварию как некую последнюю «ячейку порядка», которую следовало всемерно укреплять, чтобы использовать в качестве трамплина для штурма Берлина – «оплота революции».

Именно в Баварии в результате победы над коммунистами военные на непродолжительное время оказались у власти. После разгона советской республики резко вырос статус человека в военной форме. Баварский офицерский корпус стал играть ведущую роль на мюнхенской политической сцене.

Рис. 9. Эрнст Рём, руководитель штурмовых отрядов СА

На тридцатидвухлетнего капитана Эрнста Рёма, бывшего начальника штаба городской военной комендатуры, а затем – руководителя отдела вооружения и снаряжения штаба бригады, возглавляемой полковником Францем фон Эппом, была возложена достаточно щекотливая задача: организовать на территории Баварии систему вооруженной гражданской самообороны. Дело в том, что по условиям Версальского договора численность личного состава и вооружение германской армии строго ограничивались. Оставшиеся 7 пехотных и 3 кавалерийские дивизии рейхсвера практически не имели необходимых в случае войны резервов. Военные видели выход из положения в образовании «подпольной» армии – так называемого черного рейхсвера. Эрнст Рём предложил создать постоянно действующий военный резерв в форме общенациональной милиции, личный состав которой составляли бы «бюргеры с винтовкой в шкафу». И, получив одобрение начальства, включился в работу. Рём приобретал оружие, доставал снаряжение, оборудовал подпольные склады боеприпасов. Не забывал он и тщательно заметать следы от возможных ищек центрального правительства и западных союзников. Только в Мюнхене предприимчивому капитану удалось собрать впечатляющий арсенал, которому могло позавидовать настоящее воинское соединение: 169 легких и 11 тяжелых орудий, 760 пулеметов, 21350 винтовок, карабинов и пистолетов, 300 тысяч ручных гранат, 8 миллионов патронов. Масштабы бурной деятельности Рёма были таковы,

что треть всего вооружения, выделенного в 1935 году для оснащения вновь образованного вермахта, поступила из заложенных им тайных арсеналов.

Однако уже летом 1921 года в истории баварского «гражданского ополчения» была поставлена жирная точка. Под нажимом западных держав правительство объявило баварские воинские соединения вне закона. Эрнст Рём не только лишился собственных вооруженных сил, но и потерял влиятельных покровителей. В итоге его «подпольная» армия сократилась до немногочисленной группы бойцов из ультраправых полувоенных формирований, влачивших жалкое существование по мюнхенским пивным и погрязших в бессмысленных скандалах и драках.

Рём здраво оценивал свои возможности и понимал, что без лидера, знающего, как привлечь массы, не сумеет объединить баварских ветеранов в новую организацию. На одной из сходов ультраправой группировки «Железный кулак» он обратил внимание на агитатора из НСДАП Адольфа Гитлера. Их познакомили. В бывшем осведомителе опытный капитан смог разглядеть «страстного трибуна», способного призвать под знамена «подпольной» армии тысячи рекрутов.

Не успел еще Адольф Гитлер, избранный в июле 1921 года первым председателем НСДАП, приступить к своим новым партийным обязанностям, как Эрнст Рём уже решил для себя: «Вместе с Гитлером – пробиваться к власти!»

Пока австрийский демагог бегал по мюнхенским пивным, зазывая на борьбу с «ноябрьскими предателями» мелких бюргеров, Рёму удалось сколотить небольшую подвижную группу, призванную обеспечивать безопасность «страстного трибуна». Командир 19-й минометной роты капитан Шрек выделил ему бывалых солдат, готовых изувечить любого, кто осмелится посягнуть на «порядок» при проведении нацистских собраний. Именно на базе этой группы была позднее организована служба порядка партии, переформированная затем в физкультурно-спортивное отделение. В итоге на свет появилась организация, без которой немыслима история нацистского движения – «штурмовой отряд» (Sturmabteilung, SA). Члены этого отряда называли себя «штурмовиками».

Вообще-то термин «штурмовики» появился в последний год Первой мировой войны. Перед самым крушением Германии немецкий генералитет начал разрабатывать новые приемы преодоления обороны противника. Фактически именно тогда закладывались основы стратегии «блицкрига», которая поразит Европу в начале Второй мировой войны. Одним из новшеств стало создание легко вооруженных штурмовых батальонов. Молодые, специально обученные «штурмовики» с гранатой и карабином должны были врезаться в позиции противника, разбивая его оборону на отдельные сектора, прорываясь в тылы и уничтожая всё и всех на своем пути. Именно из ветеранов-штурмовиков (своего рода спецназовцев кайзеровской Германии) и набирались первые подразделения СА.

Рис. 10. Герман Эрхардт, один отцов-основателей штурмовых отрядов основателей СА

При этом Рём не только лично подбирал бойцов для штурмового отряда, но и разыскивал командиров. Будущих фюреров СА он нашел среди остатков штаба 2-й морской бригады, которую возглавлял в свое время радикально настроенный капитан 3-го ранга (корветтен-капитан) Герман Эрхардт (Ehrhardt). За участие в Капповском путче бригаду расформировали, а ее офицеры рассеялись по стране. В Мюнхене приспешники Эрхардта нашли защиту

у полуподпольной организации «Консул». Сначала несговорчивый Эрхардт категорически отказался иметь дело с Гитлером. Услышав имя вождя нацистов, моряк воскликнул: «О, Господи, что же этому идиоту еще понадобилось?!» Однако Рём выдвинул свои доводы: бригада так или иначе нуждается в офицерском пополнении, а у СА с кадрами проблем не будет. Тогда Эрхардт дал согласие и выделил Рёму своих лучших сослуживцев. В итоге лейтенант Иоахим Ульрих Клинич занялся обучением командного состава штурмовиков, а его тезка, капитан-лейтенант Иоахим Хофман, возглавил штаб СА.

3 августа 1920 года, в день основания первого штурмового отряда, его руководители торжественно поклялись, что СА – «железная организация» – будет верно служить НСДАП и «с радостью повиноваться фюреру».

Эскизы Третьего рейха

Эти трое: Дитрих Эккарт, Эрнст Рём и Герман Эрхардт – были не просто правыми реакционерами, стоявшими у истоков политической карьеры Адольфа Гитлера. Эти люди вольно или невольно создали первую атрибутику Третьего рейха, заложив основы символической и мифологической систем самой фантастической из держав Европы.

Особо ценный подарок движению и его фюреру сделал Дитрих Эккарт – в конце 1920 года он приобрел для НСДАП мюнхенскую газету «Народный наблюдатель» («Voelkischer Beobachter»).

Издатель газеты влез в долги и искал покупателя. Дитрих Эккарт интересовался этой газетой, поскольку она печатала материалы националистического характера и имела соответствующую репутацию. Однако поэт сам находился в стесненных обстоятельствах – его сатирический еженедельник «Чисто по-немецки» («Auf gut Deutsch») тоже был убыточен и находился на грани закрытия. Тем не менее Эккарт нашел слова, чтобы убедить своих приятелей из рейхсвера выкупить газету и передать ее нацистской партии. Генерал Франц фон Эпп выделил деньги, а Рём подобрал штат для будущего печатного органа. Причем эти деятели пошли на уловку: 60 тысяч марок, которые Эккарт получил от Эппа, были направлены якобы на ликвидацию журнала «Чисто по-немецки»; фактически же они дали Эккарту возможность выкупить «Народного наблюдателя».

Позднее эта ежедневная газета переживала разные времена: тираж ее то падал, то повышался, ее закрывали власти и пытались ликвидировать издатель – но в конце концов она стала основным печатным органом Третьего рейха, рупором нацистских пропагандистов. Вплоть до своего окончательного закрытия весной 1945 года газета занималась непрерывной идеологической обработкой масс и обожествлением любимого фюрера.

«Мы преклоняемся перед фюрером, – писал „Наблюдатель“. – Мы чувствуем, что он величественнее нас всех вместе взятых, величественнее, чем вы и я. Он – орудие божественной воли, который определяет историю со свежей созидательной страстностью».

Заполучив свой печатный орган, нацисты задумались о партийной атрибутике, которая, с одной стороны, должна была запоминаться, а с другой – заметно отличаться от атрибутики прочих партий.

Основным символом национал-социалистического движения стала свастика – немцы (в том числе и Гитлер) называли ее «Крючковатым крестом» (Hakenkreuz).

Известно, что свастика (санскритское suastika) – один из самых древнейших символов, встречающийся в орнаменте многих народов в разных частях света. Изображается он в виде креста с загнутыми (под углом или овально) концами.

Древнейшие свастики обнаружены на Урале. Они появились в начале II тысячелетия до нашей эры в орнаменте сосудов «андроновской» культуры (Бронзовый век) как упрощенный рисунок перекрещивающихся «уточек». Эти свастики наносились на дно сосудов и символизировали солнце как обиталище духа покровителей водоплавающих птиц у первобытных рыболовов. Позже смысл, связанный с рыболовством, был утрачен – свастика стала солярным символом.

Рис. 11. Виды свастики: правосторонняя (левая) и левосторонняя (правая)

Крючковатый крест свастики можно найти на скатертях племени навахо, на греческой керамике, на критских монетах, в римских мозаиках, на предметах, извлеченных при раскопках Трои, на стенах индусских храмов...

Еще позже статичный солярный символ стал динамичным, означая солнечный проход по небесам, превращающий ночь в день, – отсюда более широкое значение как символа плодородия и возрождения жизни; концы креста при этом интерпретируются как символы ветра, дождя, огня и молнии. В Японии свастика – это символ долгой жизни и процветания. В Китае это древняя форма знака «фан» (четыре части света), позднее – символ бессмертия и обозначение числа 10 000 (так китайцы представляли бесконечность).

Ранние христиане изображали свастику на могилах в качестве замаскированной формы более ортодоксального креста, а в средние века ее рисовали на витражах, чтобы заполнить пустое место внизу (fill the foot), отсюда его английское название – fylfot. В геральдике свастика известна под названием «крест крампоне» (от «сгампон» – «железный крюк»).

Современные исследователи различают два основных типа свастики. Та, у которой концы загнуты вправо, по часовой стрелке, называется собственно свастикой (или правосторонней свастикой) и считается символом с положительным наполнением – является знаком света, жизни, святости и благополучия, который соответствует в природе весеннему, прибывающему солнцу. Свастика с загнутыми против часовой стрелки концами (левосторонняя свастика, называемая иногда «суавастика» – suavastika) должно вызывать самые негативные ассоциации, поскольку также означает солнце, но подземное или ночное, пассивное состояние, зиму, тьму, смерть и безвестность; этот символ является принадлежностью богини Кали, несущей смерть и разрушения.

В то же время отмечается, что существует большая неопределенность между обозначением и смыслом право- и левосторонней свастик даже в одной Индии, не говоря о других регионах планеты. Потому не следует переносить противоположность между двумя видами знака в сферу этики или социологии, а ведь именно этим грешат сочинения оккультных авторов, уже более века рассуждающих о «пагубном» и «благодетельном» направлениях свастики... Примечательно, что, приняв принцип кардинального различия двух типов свастики, подобные авторы часто путают правое и левое направления: «суавастику» называют «свастикой», а «свастику» – «суавастикой», «совастикой» или даже «совастикайей».

Большинство ученых, занимающихся постижением смысла символов, давно сомневаются, что право- и левосторонние виды свастики следует именовать по-разному.

«Санскритское слово свастика есть единственное, применяемое во всех случаях для обозначения этого символа, – писал Рене Генон в работе „Символы священной науки“, – термин же суавастика, которым иногда стремятся обозначить одну из таких форм, с тем чтобы отличить ее от другой (и последняя в этом случае одна выступала бы как подлинная свастика), в действительности есть лишь прилагательное, производное от свастики и обозначающее то, что относится к этому символу или его значениям».

Основные традиции человечества (индуизм, буддизм, христианство, ислам) содержат как право-, так и левостороннюю свастику, которые оцениваются не по шкале «добро-зло», а как две стороны единого процесса. Например, «разрушение» не есть для восточной метафизики «зло» в дуалистическом понимании, а является обратной стороной созидания.

При всем при том свастика вне зависимости от направления ее загнутой – один из самых эффектных и изящных символов в истории человечества. Свастика, как подмечают некоторые символисты, одним своим видом возбуждает желание самому намалевать ее где-нибудь. Для целей пропаганды нельзя придумать более подходящего символа: в нем есть нечто грозное и в то же время гармоничное; его нельзя перепутать с чем-нибудь другим, он сразу запоминается.

Вильгельм Рейх объяснял притягательную силу этого символа тем, что он действует на подсознание как обозначение двух человеческих тел во время полового акта, иными словами, по мнению известного неортодоксального фрейдиста – это «символ продолжения жизни». Рейх писал, что индикативные опросы показали: почти никто из людей различного возраста, пола и социального происхождения в первый момент не осознавал сексуальный смысл свастики, но при длительном созерцании этот тайный смысл начинал до них доходить. Также Рейх указывал, что было бы неверно полагать, что после осознания тайного сексуального смысла свастики его воздействие на подсознание уменьшается – наоборот, люди в своем подсознании стремятся морально преодолеть это ощущение, что усиливает воздействие символа.

Весьма любопытную интерпретацию воздействия свастики на рядового немца предложил большой знаток религиозной традиции Элиас Канетти. Он указывал, что даже семантически слово «Nakenkreuz» воплощает самую жестокую часть христианского предания – казнь через распятие. Помимо прочего, «Naken» – это и козлы, на которых наказывали провинившихся мальчиков в школе; это слово своим звучанием напоминало о необходимости призвать виновных к ответу. «Naken» в немецком языке созвучно выражению, обозначающему цокот копыт, щелканье каблуков.

«В этом символе, – указывал Канетти, – самым коварным образом соединяются угроза жестоких наказаний за неповиновение или неисполнение долга со скрытым напоминанием о военной дисциплине и ритуале».

Может быть, именно по перечисленным причинам никогда еще в истории политических течений символ не утверждался столь последовательно, как свастика...

Рис. 12. Шлем со свастикой, который использовали моряки Эрхардта во время Капповского путча 1920 года

Свастику стали связывать с германским великодержавным национализмом после появления работ австрийского ариасофа Гвидо фон Листа, в которых он доказывал, что «крючковатый крест» является священным арио-германским символом, означающим процесс сотворения мира. Он искал и, разумеется, находил свастику в древних рунах и в некоторых германских геральдических крестах. Кстати, основной (правильной) свастикой фон Лист считал левостороннюю суавстику.

Инициатива сделать свастику единым символом националистического движения в Германии принадлежала дантисту и члену оккультного кружка «Туле» Фридриху Крону. Этот человек заработал себе репутацию эксперта Германской рабочей партии, поскольку был известен как коллекционер книг на «народнические» темы – он собрал их около двух с половиной тысяч. В мае 1919 года Крон составил меморандум под названием «Может ли свастика служить символом национализма?», в которой на базе измышлений фон Листа обосновывал значение свастики для народничества и предлагал использовать ее правосторонний (теософский) вариант для правильной самоидентификации «настоящих патриотов».

Тот же Фридрих Крон придумал соединить свастику с цветами старой имперской Германии: черная свастика в белом круге на красном фоне. Эту идею позднее подхватил Гитлер.

Как символ новых патриотов, не признавших победу демократической революции и условия Версальского мирного договора, свастика впервые использовалась во время Капповского путча, случившегося в марте 1920 года. Ее наносили на свои каски моряки бригады Германа Эрхардта, чтобы отличаться от правительственных войск. После поражения многие из путчистов скрывались в Мюнхене, а символ свастики перекочевал с касок мятежной бригады на знамя штурмовиков Рёма.

«Свастика на стальном шлеме, – пели новоиспеченные штурмовики, – черно-бело-красная повязка – мы называемся штурмовыми отрядами Гитлера».

Впервые мюнхенские националисты продемонстрировали свой новый символ и свое новое знамя 20 мая 1920 года на митинге НСДАП в Старнберге. Гитлер писал по этому поводу в «Моей борьбе»: «Это был действительно достойный символ! Перед нами не только сочетание всех красок, которые мы так горячо любили в свое время. Перед нами также яркое олицетворение идеалов и стремлений нашего нового движения. Красный цвет олицетворяет социальные идеи, заложенные в нашем движении. Белый цвет – идею национализма. Свастика – миссию борьбы за победу арийцев и вместе с тем за победу творческого труда, который испокон веков был антисемитским и антисемитским останется...»

Единству свастики и старых имперских цветов полностью соответствовала и программа партии, которая сводилась к постулированию «национального социализма». При этом требование создания замкнутой национальной общности было связано с антикапиталистическими настроениями широких народных масс в Германии, но одновременно и с однозначным отрицанием марксизма.

Кстати, со временем все чаще нацисты использовали наклоненную правостороннюю свастику (так называемую «центробежную», «развертывающуюся», «сеющую» свастику), добавив символу динамики.

Рис. 13. Форма берлинского штурмовика

«Партийным» цветом стал коричневый цвет, что было обусловлено случайностью, а не следствием продуманного шага: нацистам удалось задешево купить большую партию коричневых рубашек, предназначавшихся немецким колониальным войскам в Африке, — но поскольку эти территории по условиям Версальского договора у немцев отобрали, то и обмундирование не понадобилось. Тем не менее немецкий психолог, занимавшийся проблемой воздействия различных оттенков цвета на людей, писал о коричневом цвете в своей диссертации 1949 года: «Коричневый цвет воплощает силу, полноту жизни, тяжесть, здоровье, терпкий вкус, поэтому коричневый цвет рассматривают обычно как мужской цвет. С другой стороны, этот цвет связан и с низменной стороной натуры человека, с тем, что развитие культуры не в состоянии вытеснить, лишить силы, иными словами этот цвет воплощает самые низменные аспекты самой жизни».

Сначала этот цвет приняли только штурмовики СА. На первом съезде партии в январе 1923 года сотня штурмовиков, построившись на Марсовом поле в Мюнхене, впервые промаршировала перед Гитлером в коричневых рубашках.

В тот же день Гитлер торжественно освятил четыре штандарта СА — на каждом штандарте была изображена свастика в обрамлении дубовых листьев, которую держал в когтях взлетающий орел. Кстати, у Наполеона был парящий орел — по мысли Гитлера, это отличие должно было указывать на постоянно растущее влияние партии. Гитлер выбрал орла еще и потому, что в антисемитском фольклоре орел слыл «арийцем животного мира».

Ярким и узнаваемым символом движения нацисты сделали старинное готское приветствие «Хай» («Hei»), которое было широко распространено в немецком молодежном движении еще до войны. Распространенные в старину приветствия «Im deutschen Namen Heil», «Heil und Sieg» нацисты переделали в короткое и звонкое «Sieg Heil».

От итальянских фашистов нацисты переняли «древнеримское» приветствие путем поднятия под небольшим углом правой руки и униформирование членов партии, а от коммунистов – обращение «товарищ» (Parteigenosse).

Рис. 14. Адольф Гитлер в свастике на предвыборном плакате НСДАП

Все эти символы, знаки и узнаваемые атрибуты придавали нацистскому движению цвет, страсть, динамику и размах. Понятно, что они были чрезвычайно важным средством организации и театрализации нацистского движения и, в конечном счете, одной из причин беспрецедентного успеха Гитлера. Более того – живой смысл символики нацизма состоял в возможности контроля над настроениями в самых различных слоях общества. Так, гитлеровское приветствие стало обязательным для всех государственных служащих, а позже (с 1944 года) оно было введено и в армии. Приспособление к этим условностям выглядело как акт унижения для людей с чувством собственного достоинства, и помогало режиму наиболее полно осуществить общественную унификацию. При этом неофиты выказывали гораздо большее рвение, дабы доказать свою лояльность. Приват-доцент Кильского института мировой экономики Рудольф Хеберле вспоминал, что студенты из числа ветеранов нацистского движения продолжали приветствовать его наклоном головы или поклоном, а новички партии – обязательным «Heil Hitler» и поднятием правой руки...

Крах «пивного» путча

С самого начала национал-социалистическая партия и ее штурмовики вели агрессивную пропаганду своих взглядов. В условиях правового хаоса, царившего в первые годы республики, они не стеснялись доказывать преимущества националистических идей с помощью кулаков, камней и дубинок.

Первое боевое крещение в новой для себя ипостаси молодые ветераны мировой войны получили 4 ноября 1921 года. В тот «исторический» день Гитлер должен был выступать в залах пивной «Гофброй». В помещение пришли большие группы социал-демократов с намерением отплатить национал-социалистам за неоднократные срывы их собраний и не дать говорить Гитлеру. По ошибке на данное собрание явилось только около сорока штурмовиков СА. Чувствуя себя в меньшинстве, они были во взвинченном настроении, которое еще усугубилось после зажигательной речи Гитлера. Он сказал им, что надо сокрушить врага, что борьба будет не на жизнь, а на смерть, что у трусов он лично отнимет повязки и значки. Под воздействием его пламенной тирады штурмовики приготовились к драке.

Рис. 15. Адольф Гитлер в форме штурмовика

Позднее Гитлер утверждал, что во время его речи противники все время собирали под столами пивные кружки, чтобы употребить их потом в качестве метательных снарядов. Дальнейшие события развивались так:

«Из толпы раздалось несколько возгласов, и вдруг кто-то вскакивает на стол и орет на весь зал: “Свобода!” По данному сигналу борцы за свободу начали действовать. В несколько секунд весь зал был заполнен дико ревущей толпой, над головами которой летали, словно снаряды гаубиц, бесчисленные пивные кружки; слышно было, как ломаются стулья, разбиваются кружки, люди визжали, орали, вскрикивали. Это была безумная свалка.

Я остался на своем месте и мог наблюдать, как мои ребята полностью выполнили свой долг.

Да, хотел бы я видеть буржуазное собрание в таких условиях!

Свистопляска еще не началась, как мои штурмовики «...» напали на противника. Как волки бросились они на него стаями в восемь или десять человек и начали шаг за шагом вытеснять его из зала».

Последуем за этим описанием. Итак, противники первые закричали: «Свобода!». Они якобы имели также намерение бомбардировать национал-социалистов пивными кружками. Может быть, они исполнили бы свое намерение, может быть, нет – это осталось неизвестным. Но известно, что штурмовики, не дожидаясь этого, напали на противника, как приказал им Гитлер.

Рис. 16. Нацистское приветствие Адольфа Гитлера

«Свистопляска, – говорит он сам, – еще не началась, как мои штурмовики напали на противника».

Кто– то из противников нарушил порядок и спровоцировал штурмовиков – его вины нельзя отрицать. Но национал-социалисты даже не сделали попытки задержать его; вместо этого штурмовики обрушились на всех посетителей собрания. При этом они не ограничились рукопашной – в зале раздались выстрелы.

«Сердце снова запрыгало от радости, вспомнились старые военные переживания», – признается Гитлер.

С точки зрения пропаганды этот бой, данный штурмовиками и выигранный ими, означал большой успех. Битва в «Гофброй» была использована Гитлером как пример для подражания. Именно «пивные» батальоны закрепили за штурмовиками славу тупых дебоширов с садистскими наклонностями, которым самое место в тюрьме. Члены СА действительно очень часто нарушали закон, жестоко избивали оппонентов из других партий, устраивали погромы. Тем не менее нельзя отрицать и тот факт, что первые отряды СА состояли, в основном, из офицеров и молодых ветеранов с образованием выше среднего. Их подготовкой занимались высококвалифицированные военные – такие, как Герман Геринг, который по настоянию Гитлера возглавил СА в январе 1923 года. За несколько месяцев Геринг сделал из «штурмовиков» вполне боеспособную армию, одетую в серо-зеленые гимнастерки, с военной выправкой, располагавшую достаточно опытными кадрами, – как мы помним, коричневые рубашки появились значительно позже.

В итоге Гитлер оказался сам зачарован теми перспективами, которые открывало перед ним обладание собственной карманной армией. Ему не терпелось использовать эту силу для совершения националистической революции. Случай представился в 1923 году, который стал во многих отношениях определяющим не только для фюрера НСДАП, но и для всей Германии.

Правда, перед тем Гитлеру впервые пришлось посидеть в тюрьме. За побоище в пивной его призвали к ответственности. В начале января 1922 года он был приговорен к трехмесячному заключению. Баварский министр внутренних дел собирался выслать Гитлера, однако солдатские союзы выступили с протестом, и из плана высылки ничего не вышло. В конце июля 1922 года Гитлер все-таки отбыл наказание, которое было сокращено до одного месяца тюремного заключения.

Случись это на месяц позже, Гитлер оказался бы в тюрьме во время политического шторма, чуть не бросившего Баварию в объятия революции. Шторм этот был вызван убийством министра иностранных дел Вальтера Ратенау и последовавшим вслед за этим изда-

нием законов о защите республики. Правые союзы в Баварии ответили настоящей националистической истерией.

Политический конфликт между берлинскими демократами и баварскими правыми достиг апогея в ноябре 1923 года. Генеральный государственный комиссар Густав фон Кар и командующий местным рейхсвером генерал-майор Герман фон Лоссов, оба – убежденные монархисты, до такой степени рассорились с Берлином, что на повестку дня встал вопрос о выходе Баварии из состава республики. Все силы, сгруппировавшиеся вокруг баварского военного правительства – этой «ячейки порядка» на территории Германии, объединенные смертельной ненавистью к демократии и либерализму, стали готовиться к решающему сражению.

Рис. 17. Адольф Гитлер выступает на собрании актива НСДАП, 1923 год

Гитлер решил использовать сложившуюся ситуацию в своих целях. Как только фон Кар объявил о созыве 8 ноября собрания почетных граждан, которое должно было состояться в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер», что на Розенхаймерштрассе, лидер нацистов приступил к подготовке переворота. Он догадывался, что на собрании фон Кар попытается провозгласить независимость Баварии. Однако австрийцу и это казалось недостаточным. Ему хотелось подтолкнуть сепаратистов к более решительным действиям – к походу на Берлин для устранения «ноябрьской республики».

Гитлер срочно разослал гонцов к своим националистическим союзникам, решившим вместе с ним участвовать в заговоре. Не забыл он оповестить и бывшего генерал-квартирмейстера рейхсвера Эриха Людендорфа (Ludendorff), одного из основоположников теории «блицкрига», прославившегося успехами на фронтах Первой мировой войны. Тот согласился на переворот, даже не подозревая, что приглашен лишь в качестве «свадебного генерала». Подняв по тревоге пятьдесят человек своей личной охраны, Гитлер, одетый в черный парадный костюм с Железным крестом I степени на груди, направился на Розенхаймерштрассе. Около 8 часов вечера он уже стоял перед входом в «Бюргербройкеллер», ожидая начала событий.

Через 45 минут начальник личной охраны Йозеф Берхтольд доставил к пивной пулемет и расположил его у входа. Не теряя ни секунды, Гитлер, окруженный своими гвардейцами, ворвался в переполненный зал, вынул пистолет и выстрелил в воздух. Взобравшись на стол, он прокричал: «Вспыхнула национальная революция! Зал окружен шестью сотнями хорошо вооруженных людей! Всем оставаться на своих местах! Баварское правительство и правительство республики низложены! Формируется временное имперское правительство!»

Захваченные врасплох баварские руководители решили прислушаться к его речам и на словах согласились поддержать Гитлера. Однако уже на следующий день фон Кар и фон Лоссов направили подчиненные им войска против «национального революционера». Сам же незадачливый путчист словно прикованный сидел в «Бюргербройкеллере», ожидая хороших вестей, которые так и не поступили.

В середине дня 9 ноября Гитлер, его сподвижники и союзники, построившись в колонны по восемь человек, направились по узкой Резиденцштрассе к военному министерству. Во главе колонны шли Гитлер, Людендорф и Геринг. Вначале немногочисленные полицейские патрули пропустили колонну, но, когда демонстранты вышли на Одеонплац неподалеку от Фельдхернхалле, путь им преградили усиленные наряды полиции, вооруженные карабинами. Трем тысячам нацистов противостояло около ста полицейских. Гитлер призвал

полицию сдаться. В ответ раздались выстрелы. Упал с простреленным бедром Геринг. Гитлер при первых же залпах лег на мостовую. Окружившие его соратники втолкнули своего фюрера в стоящий неподалеку автомобиль и увезли в безопасное место. Тем временем не склонивший головы Людендорф двинулся сквозь ряды полицейских, которые расступились перед ним из уважения к известному ветерану войны.

В итоге неудавшегося переворота, впоследствии названного «пивным путчем», было убито 16 национал-социалистов, в том числе пятеро из личной охраны Гитлера. Погибли также трое полицейских. Почти все вожаки нацистского движения оказались за решеткой. Лишь шефу охраны Берхтольду и раненому Герингу удалось скрыться и бежать в Австрию.

Одержимость Гитлера фактически уничтожила НСДАП. Партия, СА и прочие подразделения, созданные Гитлером и Рёмом, были объявлены вне закона. Оставшиеся на свободе кучки нацистов рассорились между собой. Сначала ультраправые попытались объединиться под флагом Людендорфа, но затем стали распадаться на все новые группировки и фракции.

Гитлер был арестован и отправлен в крепость Ландсберга на юге Баварии. 26 февраля 1924 года его судили по обвинению в государственной измене.

Он воспользовался представившейся возможностью, превратив судебное заседание в митинг. Гитлер в очередной раз продемонстрировал блестящие ораторские способности, выступив в роли собственного адвоката: «Не нужно принуждать человека, призванного стать диктатором. Он сам жаждет этого. Никто не подталкивает его, он сам движется вперед. В этом нет ничего нескромного. Тот, кто чувствует, что призван править, не имеет права говорить: “Если вы выберете меня...” Нет! Это его долг выступить вперед. Моя позиция такова: я предпочитаю быть повешенным в большевистской Германии, чем погибнуть под французским мечом. Не вам, господа, судить нас. Приговор вынесет вечный суд истории. Вы можете объявить нас виновными тысячу раз, но богиня вечного суда истории посмеется и разорвет на клочки приговор этого суда, ибо она оправдает нас».

1 апреля 1924 года суд приговорил Гитлера к пяти годам заключения в крепости Ландсберг. Но с самого начала было ясно, что ему не суждено отсидеть весь срок. И действительно, уже после девяти месяцев пребывания в довольно комфортабельных условиях (обращались с ним очень мягко) Гитлер вышел на свободу.

Время, проведенное им в заключении, было использовано наилучшим образом. В Ландсберге Гитлер начал писать книгу, ставшую «библией» нацизма. Он назовет ее «4^{1/2} Jahre Kampf gegen Lüge, Dummheit und Feigheit» («Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости»). Впоследствии издатель Макс Аман, не удовлетворившись столь длинным названием, сократит его до «Mein Kampf» («Моя борьба»).

Информация к размышлению: Информация к размышлению: Коричневая чума

Когда много пишешь о тоталитарных режимах, невольно проникаешься сочувствием к тем, кто создавал и возглавлял тиранические империи. Это известный психологический эффект, называемый «абберацией близости»: анализируя прошлое, автор пытается разобратся в причинах, которые толкнули того или иного исторического персонажа на путь зла, и раньше или позже, приняв чуждую точку зрения, выясняет, что персонаж этот действовал под «нажимом обстоятельств», принимал решения в надежде, что поступает правильно, старался улучшить мир, но столкнулся с «непреодолимыми препятствиями». И глядишь, вместо критической статьи, которая должна была расставить все точки над *i*, на свет появляется сочувствующая или даже оправдывающая статья, в которой преступления очередного вождя трактуются как тактические или стратегические ходы мудрого правителя, созидającego новую государственность.

На самом деле существует один метод, позволяющий либо совсем избежать искажений в восприятии исторических реалий, либо компенсировать их. Этот метод достаточно прост: при работе нужно всегда помнить (ни на секунду не забывать!) о маленьком законопослушном человеке, жизнь которого была раздавлена тоталитарной машиной. Это нетрудно, ведь такие, маленькие и законопослушные, были всегда. И практически всегда тоталитарный каток проходил по ним, калеча, уродуя, закатывая в землю или асфальт. Жизнью таких людей вожди и фюреры привыкли жертвовать без малейших колебаний. Больше того, вожди сумели убедить достаточно большое количество интеллектуалов, что эти маленькие и законопослушные обыватели – всего лишь «смазка истории» и «пушечное мясо». Что эти обыватели так и так должны были умереть во имя торжества Всемирной Революции или Национальной Империи. Что их не надо жалеть, потому что только участие в масштабных событиях по перекройке мира придает их незаметным обывательским жизням хоть какой-то смысл.

Но автор, пишущий о возвышении и крушении тиранических режимов, не должен поддаваться воздействию тоталитарной пропаганды, не должен ставить себя на место вождя – наоборот, он должен позиционировать себя с другой стороны исторического процесса, ведь, в сущности, все мы и есть те самые маленькие и законопослушные обыватели, по которым в случае чего пустят перемалывающий кости каток «прогресса».

Не воспевайте тиранов – они все равно этого не оценят!

Сегодня проблема адекватного восприятия нашей недавней истории вновь стала донельзя актуальной. В 1990-е годы возник перекося в оценках Советского Союза, порожденный гиперкомпенсацией за то, что от нас долгое время скрывали правду о негативных сторонах жизни при Советах. В итоге усилиями либеральных публицистов вся история XX века превратилась в сплошной негатив – в историю кровавого противостояния жестоких диктаторов, во имя личной власти уничтоживших десятки миллионов людей. Новые историки договорились до того, что в принципе отказывали всем советским гражданам в праве называться созидателями исторического процесса – советский гражданин («совок») превратился в олицетворение мрачной разрушительной силы, отпрыском Сатаны, жирующим на чужом горе, наслаждающимся чужими страданиями. На этом фоне даже гитлеровцы стали казаться средоточием добра и света, защитниками Свободы, вставшими на пути диких орд, прущих на Запад с Востока.

Но, как оказалось, нельзя долго унижать достоинство огромного народа. И в ответ на псевдоисторическое творчество девяностых пришло мифотворчество XXI века – «имперское» мифотворчество, которое всю сложнейшую совокупность взаимодействий наций,

этносов, государств сводит к простому и до боли знакомому социал-дарвинизму. Принцип таков: любое государство стремится к мировому господству, поэтому в большой семье ключом не щелкай; если ты не съешь, съедят тебя. Под этим соусом находят оправдания любые преступления против других государств, а главное – против личности. Сравнительный анализ подменяется поисками соринки в чужом глазу и рассуждениями о том, что все так делают, а значит, и нам сам Бог велел.

Подобная позиция оказалась на руку современной российской власти. Чрезвычайно изощренными выглядят кремлевские «бойцы идеологического фронта», призванные объяснить, почему за последние годы мы не стали жить ни лучше, ни веселее. Их риторическими наработками легко, словно своими, пользуются представители правительственных структур, включая президента Владимира Путина. На все недоуменные вопросы один ответ: везде так делают, значит, и мы так будем делать.

Примеров в этой области хоть отбавляй, но я приведу только один – вызывающий самую болезненную реакцию у наших политиков. «Оранжевая революция» на Украине.

Казалось бы, давно пора понять, что Украина – это иностранное государство, независимое и идущее своим путем. Любая попытка навязать свою волю независимому государству, от кого бы она ни исходила (от РФ или США – безразлично), является империализмом. И вся болтовня в духе социал-дарвинизма сводится по-прежнему к желанию замаскировать собственные просчеты в вопросе взаимоотношений государства и личности. Наше государство так и не научилось уважать права личности, а потому вновь обратилось к имперской модели структурирования общества, при которой мнение обывателя ничего не значит. Ведь он, как мы помним, «смазка истории».

Вот почему так опасна новая фаза переписывания истории. Реабилитация коммунистических вождей, которые якобы делали все для возрождения Российской империи, толкает нас на путь признания «национальных особенностей» демократии, за который так ратует команда Путина. А от «национальных особенностей» один шаг до «коричневых» отрядов.

Давным-давно братья Аркадий и Борис Стругацкие написали повесть «Трудно быть богом». В ней рассказывается, как на окраине монархической империи появляется фашизм – бездарные дети зажиточных лавочников вступают в некое подобие СА, охотятся на книголюбцев и прочих «умников», уничтожая их физически или выдавливая в эмиграцию. Стругацкие ошибались, поверив в созданный советской пропагандой стереотип «штурмовика» как неграмотного дебошира, способного только пьянствовать и бить морду всем подряд. На самом деле первые отряды «штурмовиков», появившиеся в республиканской Германии в начале 1920-х годов ничего общего не имели с этим образом. Большинство из них получили неплохое образование и офицерские звания, они прошли жестокую войну и считали себя победителями. Главная их проблема была в том, что они уверовали в необходимость возрождения старой империи. Опираясь на лживую тенденциозную идеологию, они согласились с тем, что их государство имеет «национальные особенности», что демократия для нее разрушительна, а права личности должны быть ограничены во имя выживания нации.

Сегодня стало общим местом проводить аналогии между Российской Федерацией и Веймарской республикой. Но если придерживаться этой аналогии, то не следует заблуждаться. «Штурмовиками» в России сегодня являются вовсе не скинхеды или нацболы, которых так боятся западные политики и СМИ, а именно те интеллектуалы, которые признали за командой Путина право на строительство новой империи по лекалам то ли СССР Сталина, то ли монархической державы Романовых. Именно эти «штурмовики» своей деятельностью приближают время скинхедов и нацболов. Симптомы коричневой чумы проступают там, где исчезает свобода выбора. А именно свободы выбора нас под одобрительное воркование политобозревателей и публицистов пытаются лишить.

Историк! Писатель! Публицист! Политтехнолог! Помни о маленьком законопослушном человеке! Помни о его правах! Научись слушать его! Научись защищать его! Не дай сломать его! Не дай убить его! Ведь ты плоть от плоти его и кровь от крови. И только на него ты можешь рассчитывать в трудную для страны минуту.

Глава четвертая. Чудовища из снов

Хроника: 22 апреля 1945 года

Соединения 3-й и 5-й ударных, 47-й и 2-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта преодолели сопротивление противника на внешней полосе Берлинского оборонительного района и вышли на северо-восточную окраину города. Часть сил 1-го Белорусского фронта обошла Берлин и продолжила стремительное продвижение в сторону Эльбы, где предполагалась встреча с войсками союзников.

Войска 1-го Украинского фронта полностью овладели городом Котбусом – важным узлом железных и шоссейных дорог и сильно укрепленным опорным пунктом немцев на юго-восточных подступах к городу Берлину.

Для ускорения разгрома противника маршал Жуков бросил 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии вместе с 8-й гвардейской, 5-й и 3-й ударными и 47-й армиями в бой за город.

Из Берлина в Карингхалл бежал Герман Геринг.

Находясь в укрепленной бункере под Рейхсканцелярией, Адольф Гитлер с нетерпением ожидал известий от танковой группировки под командованием Феликса Штайнера, которой он приказал выступить к Берлину. Штайнер, потерявший половину личного состава, отказался исполнять приказ.

Гитлеру сообщили об этом. Свидетели рассказывали, что в этот момент кровь отхлынула от лица фюрера и он, дрожа, опустился на стул. А потом дал волю эмоциям: война проиграна, Третий рейх рухнул, ему остается только сложить полномочия главнокомандующего и сражаться за Берлин как простой солдат. Истерика продолжалась несколько часов, потом Гитлер успокоился.

В три часа дня началось последнее в истории Третьего рейха оперативное совещание германского верховного командования – длилось оно до восьми часов вечера. На этом совещании Адольф Гитлер заявил, что хочет умереть в Берлине. Он повторил это несколько раз в самых разных выражениях. Он говорил: «Я погибну здесь» или «Я погибну перед канцелярией», или «Я должен умереть здесь, в Берлине».

При этом Гитлер заявил, что его вера была подорвана. Он потерял веру в вермахт довольно давно, объясняя это тем, что не получал правдивой информации, что плохие новости скрывали от него. В этот день он в первый раз сказал, что потерял веру в войска СС – а ведь он всегда рассчитывал на войска СС как на отборные части, которые никогда не подведут его...

Сон разума

Итак, в 1923 году Адольф Гитлер и его партия потерпели первое серьезное поражение. Блиц-революция не удалась.

Для Гитлера, окруженного такими же фанатиками национальной империи, как и он сам, стало откровением, что далеко не все немцы жаждут пришествия вождя, который поведет их на борьбу с демократией и мировым еврейством.

Потрясение было столь сильным, что Гитлер подумывал о самоубийстве и во время следствия отказывался давать показания. Однако ход судебного процесса над путчистами дал Гитлеру возможность надеяться на поддержку его политических устремлений. Те, кто должен был покарать изменников, решившихся на мятеж против властей, проявили невиданную снисходительность, позволив участникам «пивного» путча использовать судебные заседания для пропаганды националистических воззрений.

«В каждом нормальном государстве, – писал западногерманский исследователь Э. Нольте, – акт вооруженной государственной измены навсегда исключает главных его участников из общественной, а тем более из политической жизни».

Но в Германской республике дело обстояло иначе: усилиями действующих лиц судилища (в первую очередь председателя суда, а на деле единомышленника подсудимых – Нейдхарта) процесс способствовал широкой популяризации нацистских главарей за пределами Баварии. Суд разрешал им выступать так долго, как им заблагорассудится (например, первое выступление Гитлера длилось четыре часа), причем речи на следующее утро публиковались в газетах, а затем выходили отдельными изданиями. Подсудимые и их адвокаты беспрепятственно поносили существовавшую в Германии власть и ее представителей.

«Судебное заседание? – спрашивал демократически настроенный журналист, присутствовавший на процессе. – Нет, скорее семинар по вопросу о государственной измене».

Другой журналист, находившийся в зале, писал о процессе так: «Суд, снова и снова позволяющий “господам обвиняемым” держать многочасовые пропагандистские речи; член суда, который после первой речи Гитлера (я слышал это собственными ушами!) воскликнул: “Он же первоклассный парень, этот Гитлер!”; председатель, терпящий, что „...“ правительство характеризуют как “банду преступников”; прокурор, который во время перерыва доверительно хлопает одного из обвиняемых по плечу...»

Адвокаты нагло угрожали даже официальным обвинителям. Еще более неприкрытыми были угрозы по адресу свидетелей обвинения.

В своей обвинительной речи прокурор утверждал, что путчисты преследовали «высокую цель», лишь использованные ими средства были преступны. Он напоминал, что Гитлер происходит «из простой семьи» и «во время мировой войны „...“ доказал немецкий образ мыслей».

Подсудимые в последнем слове заявляли, что если даже будут осуждены, то в дальнейшем поступят точно так же. Гитлер, не прерываемый председателем, вновь витийствовал в течение нескольких часов на самые разнообразные темы, часто не имевшие никакого отношения к предмету судебного разбирательства: он излагал свои взгляды на государство и его роль, свое представление о внешней политике Германии по отношению к Англии и Франции, угрожал судом тем, кто в данный момент вершит суд над ним, стучал по столу.

В этот момент он уже мало сомневался в мягкости приговора. Во время процесса Карин Геринг писала своей матери: «Гитлер абсолютно уверен, что он будет приговорен к какому-либо наказанию, а затем здесь же последует амнистия». Но было нечто, весьма беспокоившее его: как иностранцу, тем более уже осужденному ранее за преступление политического характера и освобожденному условно, ему реально угрожала высылка из Германии

в Австрию. Поэтому он обратился к суду с настоятельной просьбой не применять к нему соответствующую статью закона о защите республики.

Хотя приговор Гитлеру и другим главарям заговора гласил: пять лет заключения – на деле они должны были отсидеть лишь полгода, после чего имели право на досрочное освобождение. От высылки Гитлера суд решил воздержаться. Людендорф был оправдан, хотя не смог скрыть причастности к заговору, и в обвинительном заключении содержались весьма веские доказательства этого. Остальные обвиняемые были приговорены к небольшим срокам заключения, троих сразу же освободили из-под стражи.

Гитлера вместе с другими осужденными по делу поместили в крепость Ландсберг, находившуюся в живописном месте на берегу реки Лех. Часть дня заключенные работали на воздухе (Гитлер был освобожден как пострадавший 9 ноября), остальное время играли в карты, пили, трепались о политике. Путчисты имели возможность заказывать изысканные обеды. Камеры никогда не запирались. Хотя длительность посещений каждого заключенного не должна была превышать шести часов в неделю, на деле этого правила не придерживались. У Гитлера был свой режим: он отвечал на почту, просматривал книги, пользуясь многочисленными презентами. Позднее он говорил приближенным: «Ландсберг был моим университетом за государственный счет». Много времени уделялось диктовке будущей «библии» нацизма – «Моей борьбы».

Рис. 18. Титул первоначальной редакции книги Гитлера «Моя борьба»

Прием Гитлером посетителей иногда продолжался по пять-шесть часов. В докладе баварскому министру юстиции администрация крепости признавала, что «число посетителей, побывавших здесь у Гитлера, исключительно велико. Среди них просители, лица, ищущие работу (!), кредиторы, друзья, а также любопытные. Гитлера посещали адвокаты, бизнесмены „...“ издатели, кандидаты, а после выборов – избранные депутаты-народники. К Гитлеру приезжали, чтобы получить от него совет, как добиться устранения разногласий в лагере народников».

Получается, что многочисленные националистические организации и группы, разрывающиеся взаимной борьбой, взывали к Гитлеру, как к арбитру в своих непрекращающихся ссорах.

И все же авторитет фюрера нацистов, достигший апогея в дни «пивного» путча, неуклонно снижался. Запрещенную НСДАП раздирали противоречия. Только часть крайне правых продолжала видеть в Гитлере главаря. Большинство нацистов уже не рассматривали его в качестве общепризнанного лидера.

К примеру, один из активных нацистов, в будущем гауляйтер Померании фон Корсвант-Кунцов, писал в начале 1925 года, имея в виду Гитлера: «Теперь станет ясно, вдохновляет ли его Бог, или нет. Если это так, то он добьется своего, хотя ныне почти все высказываются против него. Если же это не так, что ж, значит, я ошибся и буду ждать, когда голос Бога прозвучит из уст кого-нибудь другого».

В этом письме, кстати, сообщалось, что Людендорф, живший после суда в Берлине, отправился в Мюнхен, чтобы убедить Гитлера не восстанавливать НСДАП. К тому времени этот реакционный генерал пересмотрел свои взгляды и собирался участвовать в политическом процессе на равных с конкурентами, соблюдая правила демократической борьбы.

Но подобный путь не устраивал Гитлера, который после столь счастливого для него завершения суда окончательно уверовал в свое превосходство над остальными политиками. Этому раздутому самомнению способствовало и окружение фюрера нацистов. Есть мнение, что «короля играет свита», – во многих отношениях этот афоризм можно отнести и к Гитлеру. А в свите у него были настоящие чудовища. Вспомним о некоторых из них – тех, кто оказал непосредственное влияние на формирование утопических образов будущего Третьего рейха.

Апостолы нового мессии: Рудольф Гесс

Вместе с Гитлером заключение в крепости отбывал Рудольф Гесс (Hess), которого впоследствии называли «нацистом номер три».

Он родился 26 апреля 1894 года в Александрии (Египет) в семье немецкого торговца. Во время Первой мировой войны Гесс служил на Западном фронте командиром взвода в том же полку, что и Гитлер. Был ранен под Верденом. В конце войны перешел служить в авиацию.

В 1919 году он стал членом оккультного общества «Туле». И служил в одном из подразделений «Добровольческого корпуса» под командованием генерала Франца фон Эппа.

В 1920 году Гесс примкнул к нацистам. Произошло это после того, как он увидел выступление Гитлера. Подобно поэту Эккарту, молодой ветеран разглядел в невзрачном болтуне задатки вождя.

Рис. 19. «Нацист номер три» Рудольф Гесс (второй справа) с Гитлером в крепости Ландсберга

В самом конце Второй мировой войны Гесс утверждал, что, еще будучи студентом, он написал диссертацию на тему «Как будет выглядеть человек, который вернет Германии ее бывшее величие». Это должен быть, писал он, диктатор, который не будет принимать участия в уличных демонстрациях, в выкрикивании лозунгов и в демагогии. Это должен быть человек из народа, не имеющий абсолютно ничего общего с серыми массами. Он будет обладать «огромной индивидуальностью» и не будет жалеть о пролитой крови. Чтобы достичь поставленной цели, он будет готов «предать самых близких друзей», управлять «с ужасной строгостью», держать личности и нации «в осторожных и чувствительных пальцах» или, в случае необходимости, «топтать их башмаками гренадеров».

Гитлер в начале своей политической карьеры был весьма далек от этого образа, однако он очаровал Гесса – видимо, молодой ветеран внутренне жаждал встречи с выдуманным им лидером и поверил в силу подвернувшегося ему «трибуна».

В вечер первого знакомства с будущим фюрером Гесс в состоянии крайнего возбуждения ворвался в комнату к своей подруге. «Вот это человек так человек, – восторженно бормотал Гесс, – он никому неизвестен, и я уже не помню его имени. Но если кто-то и спасет нас от Версальского мира, то только этот человек, этот незнакомец вернет нам нашу поруганную честь!»

Ильзе Гесс писала потом, что «ее мужа словно подменили, он стал живым, сияющим, больше не мрачным, не печальным».

Рудольф Гесс был в числе первых, попавшихся на удочку гитлеровской демагогии. Спустя несколько дней молодой ветеран решил последовать за «пивным» политиком. На это было несколько причин. В первую очередь, беспорядочные политические воззрения Гитлера значительно совпадали с теми, которые его будущий последователь получил и глубоко почувствовал в народнической среде общества «Туле». Они оба были фронтовиками. Они оба были тяжело ранены в боях. И оба были оскорблены развалом кайзеровской армии. Однако у Гесса в отличие от Гитлера была еще одна, внутренняя потребность: тоска по авторитету. После освобождения от семейных уз он постоянно искал человека, который мог бы указывать ему, что нужно делать, приняв всю ответственность за принятие решений на себя. В

армии эту потребность заполняли вышестоящие офицеры, потом на короткое время это сделал его учитель и близкий друг Карл Хаусхофер.

«Трибун» из пивной казался способным не только стать новым авторитетом для Гесса, но мог предложить лекарство против тупой сверлящей боли за униженное положение одного из самых просвещенных народов. Для Гесса это был роковой симбиоз личных и политических желаний? здесь они перекрывались духом времени. Для Гесса Гитлер стал новым мессией – вполне библейским спасителем, способным вывести нацию из тупика к светлому будущему.

С другой стороны, Гитлеру сразу понравился молодой помощник, который пошел за ним безоглядно, как пошли ученики-апостолы за Иисусом. Гесс был надежен, еще со времен членства в «Туле» был знаком с влиятельными людьми из мюнхенской элиты, а кроме того, обладал качеством, которое весьма импонировало Гитлеру, – умением слушать.

Внутри еще маленькой тогда партии посмеивались над этой неравной парой: Гесс, сын буржуа, сдержанный, с хорошими манерами, и Гитлер, агитатор, родом из простой семьи, производивший на других впечатление неуклюжего и хитрого человека. Ничто не указывало на то, что это? будущий руководитель сильнейшего государства в мире и его прямой заместитель.

Восхищение Гесса фюрером скоро переросло в неудержимый фанатизм.

«Славный парень, – так он писал своей кузине с восторгом. – Недавно во время своего великолепного выступления он довел зал до такого состояния, что в конце около 6 тысяч слушателей из различных слоев, пришедших в цирк “Корона”, запели гимн Германии. Примерно 2 тысячи присутствовавших коммунистов пели вместе».

Кстати, у Гесса был весьма авторитетный учитель. Молодой ветеран стал студентом Мюнхенского университета и проходил обучение у профессора Карла Хаусхофера, чьи геополитические теории оказали на него глубочайшее впечатление. Понятно, что он пытался передать их своему новому другу и вождю.

Рис. 20. Карл Хаусхофер, геополитик с расистским уклоном

О Карле Хаусхофере до сих пор ходят мрачные легенды. Будто бы он был не просто искусным дипломатом, специализировавшимся на Юго-восточной Азии, но и членом различных оккультных обществ, тайно управляющих человеческой цивилизацией. Многие авторы утверждают, что именно Хаусхофер научил Гитлера стратегически мыслить и чуть ли не предсказывать будущее. Однако на самом деле Хаусхофер и Гитлер ни разу не встречались воочию – посредником между ними всегда был Гесс.

Свое участие в воспитании будущего вождя подтвердил сам Хаусхофер, которого через двадцать лет на процессе в Нюрнберге расспрашивали по этому поводу.

«Да, – сказал он, – эти идеи пришли к Гитлеру через Гесса. Но Гитлер никогда их правильно не понимал, и он никогда не читал моих книг».

Тем не менее для любого, кто изучал «Мою борьбу» Адольфа Гитлера и хотя бы в общих чертах знает теорию Хаусхофера, очевидна связь между ними. Главное, что почерпнул Гитлер из геополитических воззрений бывшего дипломата, это идея «жизненного пространства» (Lebensraum). Необходимость расширения этого пространства для немцев неизбежно подталкивает Германию к территориальной экспансии, главным образом – на Востоке.

В «Моей борьбе» появляются новые ноты в идеологии нацистов. Рядом со старыми клише о необходимости создания «национального государства» мы находим призывы к обретению жизненного пространства, дискуссии на тему «жизненное пространство и внешняя безопасность», призывы к установлению естественных границ, рассуждения о поисках равновесия между влиянием на суше и влиянием на море, а также о месте географии в военной стратегии. Все это привнес Рудольф Гесс, внимательно изучавший труды Хаусхофера.

Таким образом, Хаусхофер вольно или невольно, но пришел на смену Дитриху Эккарту, чтобы довести образование Гитлера до более высокого уровня.

Апостолы нового мессии: Альфред Розенберг

Существенный вклад в развитие идеологии нацизма внес еще один верный последователь Гитлера – эмигрант Альфред Розенберг (Rosenberg), ставший позднее заместителем фюрера по вопросам «духовной и идеологической подготовки» членов нацистской партии и рейхсминистром по делам оккупированных восточных территорий.

Розенберг родился в 1893 году в Ревеле (Таллинн), учился в Риге и Москве, где окончил в 1918 году Высшее техническое училище по специальности инженер-строитель. Хорошо говорил по-русски.

В 1919 году Альфред Розенберг прибыл в Мюнхен как беженец из Советской России. Вскоре он вступил в общество «Туле». Ключом к быстрому вознесению нищего эмигранта, сына сапожника, стал документ, который Розенберг тайно вывез из Москвы. Это были знаменитые «Протоколы сионских мудрецов».

Описывая, как «Протоколы» попали к нему в руки, Розенберг рассказывал довольно нелепую историю: «Человек, которого я ранее никогда не видел, вошел ко мне без стука, положил книгу на стол и вышел, не произнеся ни слова».

Рис. 21. Альфред Розенберг, один из идеологов нацизма

Согласно одной из современных версий, «Протоколы сионских мудрецов» имеют следующее происхождение. Охранное отделение Департамента полиции Российской империи, внимательно следившее за развитием европейской общественной мысли, в 1895 году подготовило документ под названием «Тайна еврейства», представляющий собой «суммарный очерк» по истории европейских и заокеанских общественных движений, начиная с Крестовых походов и кончая революциями XIX века. Безвестные интеллектуалы Охранного отделения предложили версию всемирной истории, объясняющую любые процессы наличием еврейского влияния, из которого поднимались все мало-мальски значительные и само собой отрицательные явления цивилизации. Документ предназначался для служебного пользования, а потому общественного резонанса не имел.

И вот через десять лет после составления «очерков» в Кишиневе публикуются «Протоколы» уже практически в том виде, в каком их знают современные исследователи. Поскольку имелись некоторые текстуальные совпадения с «очерками», некоторые историки считают, что кто-то «творчески» переработал отчет Охранного отделения с целью разжигания страстей на фоне революции 1905 года. Однако эта затея провалилась.

Вторую попытку осчастливить человечество «Протоколами» предпринял Сергей Нилус, ученик философа Владимира Соловьева. Он использовал их в качестве приложения к своей книге «Великое в малом и Антихрист как близкая политическая возможность». Едва ли история сохранила бы память о Нилусе, если бы не это приложение, обессмертившее его творение.

Со второй публикацией «Протоколов» возник вопрос об их достоверности. Вместо того чтобы внятно объяснить происхождение цитируемых «документов», Нилус последовательно выдвигал три разные версии их происхождения. Согласно изданию 1905 года, «Протоколы» были похищены женщиной у «одного из наиболее влиятельных и наиболее посвященных лидеров масонства». Этой даме прожженные мудрецы доверились по пословице

«на всякого мудреца довольно простоты». По другой версии, приведенной в послесловии к английскому изданию «Протоколов», Нилус писал: «Мой друг обнаружил их в сейфе в штаб-квартире Общества Сиона, находящейся сейчас во Франции». По третьей версии 1917 года, «Протоколы» были изъяты из полной подшивки протоколов Сионистского конгресса, состоявшегося в Базеле в 1897 году. По этой же версии «Протоколы» были подписаны сионистскими представителями 33-й степени посвящения.

Характерно отношение к подлинности «Протоколов» Николая II, воспитанного в духе «государственного антисемитизма» и открыто поддерживавшего еврейские погромы. Если в самом начале, после появления «Сионских протоколов», последний русский самодержец отнесся к ним с доверием, то скоро понял, что это – явный подлог. Прозрение Николая II случилось не само по себе, а после разъяснений, сделанных спецслужбами.

В «Протоколах» анонимные сионские мудрецы бесстрастным тоном провозглашают в качестве своей главной цели коронацию Царя Иудейского на планетарном троне и перечисляют методы достижения этой цели. Воцарение Владыки из семени Давидова произойдет в результате однодневного государственного переворота, подготовленного повсеместно во всех странах. В то же время этот переворот случится путем всеобщего голосования всех измученных неурядицами гоевских (нееврейских) народов. Для того чтобы довести народы до требуемого состояния, когда они сами по доброй воле пригласят управлять ими сионских мудрецов, необходимо посеять смуту и войны, разложить правительства и армии, возбудить всеобщее неверие и хаос, расстроить финансы, торговлю и промышленность, вызвать животную вражду между классами, слоями и народами, убить всякую инициативу и авторитеты, развратить и спойти население всех стран.

Как и большинство из его предшественников, после первого беглого прочтения «Протоколов» Альфред Розенберг понял, что перед ним довольно грубая фальсификация, но зато в ней содержится динамит. Он не сомневался: если использовать «Протоколы» с умом, то они принесут их владельцу немалую славу и деньги.

Розенберг рассчитал правильно. «Протоколы» оказались тем самым материалом, которого очень не хватало немецким нацистам, чтобы показать всему миру, сколь злокозненные замыслы лелеют их «расовые» враги.

В поисках поддержки Розенберг обратился к Дитриху Эккарту и вытащил «счастливую карту». Вот что пишет Розенберг по этому поводу в своих «Мемуарах»:

«После короткой иронической ремарки госпожи фон Шренк ¹ он внимательно выслушал меня. Без всякого сомнения, Эккарту могло пригодиться мое сотрудничество. Он протянул мне первый номер своего журнала, а я оставил ему несколько статей, посвященных в основном моим наблюдениям о России.

На следующий же день Эккарт позвонил мне. Ему понравились мои статьи, и он попросил меня сразу же приехать. Эккарт принял меня самым сердечным образом...»

Розенберг и Эккарт стали близкими друзьями.

«Через некоторое время, – продолжает Розенберг, – я услышал об Адольфе Гитлере, который примкнул к ДАП и выступал с речами, заслуживающими внимания. Он в свою очередь наезжал с визитами к Эккарту. Так я познакомился с Гитлером. Эта связь определила мою судьбу и место Гитлера в судьбе германской нации».

Понятно, что честолобивый Розенберг не остановился на достигнутом. Он начал активно работать на идеологическом фронте НСДАП, сделавшись членом редакционной коллегии «Народного наблюдателя». Первоначально этой газетой управлял Эккарт, но постепенно руководство все больше переходило к Розенбергу, что он объяснял «неспособностью» Эккарта к труду. На самом деле у поэта-националиста стало ухудшаться здоровье, и он уже

¹ именно она рекомендовала Розенберга Эккарту. – А. И.

физически не мог справляться со всем объемом обязанностей главного редактора. Весной 1923 года Розенберг уже вполне официально заменил его на этом посту.

В одном из первых номеров «Народного наблюдателя», вышедших уже в качестве печатного органа ДАП, была опубликована статья Розенберга, в которой излагались основные положения внешнеполитической программы гитлеровской партии. Розенберг исходил из того, что, хотя Россия и проиграла войну с Польшей, большевики в близком будущем все же попытаются оккупировать приграничные государства. Он писал:

«Но когда эта гроза соберется над немецкими землями на востоке, необходимо будет отправить туда сто тысяч самоотверженных людей. Если по указке разных Конов и Леви германские железнодорожники забастуют, надо будет заблаговременно отправить эти сто тысяч бойцов в пешем строю. Придется считаться с возможностью временного советского режима на некоторых немецких территориях – ничего не поделаешь. Придется быть готовым ко всякой крайности также в связи с поведением западных евреев, засевших за Рейном с французскими пушками и танками; эти евреи поднимут жалобный вой, когда их братьям на востоке придется круто. Если Ленин в Польше задержится, то все еще будет время освободить Польшу. Польша походит на утопающую истеричку, которой надо дать удар по голове, для того чтобы она очнулась и позволила вытащить себя из воды. Главное – это нанести русской армии второе поражение под Танненбергом и погнать ее обратно в Россию. Это исключительно дело немцев, и это и будет собственно началом нашего возрождения. Армия, хлынувшая назад в страну, будет самым злым врагом советского правительства».

Благодаря Розенбергу «большая внешняя политика» национал-социализма начиналась с плана германского крестового похода против Советской России. Отчетливо видно, что проект крестового похода на Восток весьма далек от чаяний мюнхенских «штурмовиков», для которых главной целью было избавиться от унижительных условий Версальского мирного договора, к появлению которого на свет большевики не имели ни малейшего отношения. Концепция внешней политики по Розенбергу – это не немецкая внешняя политика. Это внешняя политика русских белоэмигрантов, которые очень желали бы вовлечь Германию в борьбу против Ленина. Также и антисемитизм Розенберга имеет корни в царской России – в России черносотенцев и «Союза русского народа». Вынужденные эмигрировать и скитаться на чужбине, белогвардейцы-монархисты принесли в Европу свои представления, свои мечты и свою ненависть. Мрачное русское юдофобство подпитывало традиционный немецкий антисемитизм. Русские эмигранты писали в «Народный наблюдатель», выступали на национал-социалистических собраниях. Даже среди организаторов «пивного» путча был один эмигрант из России – бывший инженер Макс Эрвин фон Шайбнер-Рихтер, отличавшийся крайними антисемитскими взглядами. Его застрелили полицейские во время стычки на Одеонплац.

Розенберг был твердо убежден, что еврейские финансисты Европы – союзники большевиков. Гитлер, питавший почти физиологическое отвращение к евреям и веривший в теорию мирового заговора банкиров, разделял это мнение. Однако юдофоб из России пошел еще дальше: он взялся доказать, что евреи подобны животным и не должны вызывать жалости у «цивилизованных» людей. Элементы этой людоедской теории как нельзя лучше ложились в концепцию «окончательного решения еврейского вопроса», которая со временем стала частью внутренней политики Третьего рейха. Розенберг попытался оправдать практику геноцида еще до того, как нацистские палачи развязали этот геноцид.

Апостолы нового мессии: Вальтер Дарре

Еще один кирпичик в фундамент будущего Третьего рейха положил «аграрный папа» нацистского движения Рихард Вальтер Дарре (Darre) – поклонник и эпигон мистической теории «Крови и Почвы» («Blut und Boden»).

Дарре родился 14 июля 1895 года в Буэнос-Айресе. Учился в реальной школе в Гейдельберге и евангелистской школе в Бад-Годесберге. В 1911 году по обмену студентами Дарре был направлен в Уимблдон. В 1914 году он был зачислен в колониальную школу в городе Вейтценхаузене, где собирался получить сельскохозяйственное образование. Однако изучение аграрных премудростей было прервано тем, что его мобилизовали в армию.

Во время Первой мировой войны Дарре служил лейтенантом в полку полевой артиллерии и был награжден Железным крестом II степени.

В мае 1919 года он возвратился в колониальную школу, хотя надеяться на хорошую работу с приличным заработком уже не приходилось: после поражения в войне Германия потеряла все колонии, и выпускники были обречены пополнить гигантскую армию нищих. Учебу Дарре закончить не удалось, и он был вынужден покинуть школу. До 1922 года бродяжничал, нанимаясь на сезонные работы в крупные поместья.

В 1922 году Вальтер Дарре направился в Галльский университет, где устроился работать ассистентом генетика Густава Фрелиха. Благодаря этому он все-таки получил диплом о сельскохозяйственном образовании. Приобретя статус дипломированного специалиста, Дарре с 1925 по 1929 год принимал участие в реализации различных частных и государственных проектов, связанных с сельским хозяйством.

Далекий от политики, в 1929 году он все же решил присоединиться к нацистам. Он симпатизировал НСДАП с начала 1920-х годов, но его достаточно позднее вступление в партию было следствием профессиональных неудач. Дарре осознал, что его деятельность не приносит желаемых результатов – вот тогда-то в мае 1929 года он стал консультантом в одной из многочисленных «народнических» групп. В том же году Дарре издал книгу «Крестьянство как источник существования нордической расы». В своей работе он опровергал популярную у националистов теорию Фритца Керна, который пытался изобразить древних германцев кочевыми племенами, занимавшимися скотоводством. Дарре, пребывая под воздействием идей расиста Ганса Гюнтера, считал кочевников бесполезными паразитами; германцы же в его изложении представляли оседлыми земледельческими племенами, которые создавали фундамент будущей немецкой цивилизации.

Романтическое изложение древней истории, представления о расово чистых крестьянах произвели большое впечатление на Гитлера, который ознакомился с книгой Дарре в 1930 году. Фюрер уже давно пытался найти «доказательства» расовой чистоты и полноценности немцев, поскольку это соответствовало его собственным представлениям, сложившимся еще в юности. Тогда же состоялось знакомство Гитлера и Дарре. Теоретик «крови и почвы» сразу был зачислен под начало Константина Хирля в Пятый отдел («сельское хозяйство») организационного управления НСДАП. Там Дарре занялся созданием «аграрно-политического аппарата» партии.

Рис. 22. Герман Геринг, Вальтер Дарре и Адольф Гитлер на съезде НСДАП, 1934 год

Партийная карьера Дарре была стремительной – неудивительно, ведь он был любимцем самого фюрера! В 1932 году он возглавил в аппарате партии собственный отдел, все так же подчиняясь лично Гитлеру (подобной чести удостоивались только самые высокопоставленные функционеры). Структура Дарре разрасталась как на дрожжах: уже несколько месяцев спустя в его подчинении было несколько отделов. Один из них, возглавляемый Эрвином Метцнером, в частности, занимался поиском духовных и исторических корней немецкого крестьянства.

Дарре был участником религиозно-политического движения «Артаманен» («Artamanen»). В основе этого движения лежал идеал земледельца-собственника. Его сторонники вместо службы в армии стремились работать в сельском хозяйстве, рассматривая свой труд как одну из форм исполнения патриотического долга. Зародившись в «народническом» крыле германского молодежного движения, артаманцы были непримиримыми противниками славянских народов и требовали, например, выселения польских крестьян, живших в Германии.

Дарре утверждал, что все сколько-нибудь важное в жизни человека и общества имеет отношение к расе и, по его теории, крестьянство «всегда формировало единственно надежную основу нашего народа с точки зрения крови».

«Государство, – писал он, – должно расширять класс крестьянства и способствовать оттоку людей из городов».

Также Дарре придерживался идеи, что все великие достижения культуры созданы теми, в чьих жилах текла «нордическая» кровь. Вместе с рядом других немецких ученых того времени он полагал, что падение великих цивилизаций прошлого объясняется прежде всего «забвением расовых законов и загрязнением нордической крови». Для спасения нации Дарре предлагал закрыть на территории Германии интернациональные и гуманистические организации.

Все эти идеи импонировали Гитлеру, совпадая практически до деталей с его взглядами на проблему взаимодействия рас.

Аграрная романтика Дарре простиралась довольно далеко: он стремился оставить крестьянина крестьянином, а в целом всю аграрную сферу извлечь из-под влияния естественного рыночного механизма, искусственно оградив его от пертурбаций, сопровождающих процесс развития экономики. А Гитлер в «Моей борьбе» писал, что «огромные возможности и перспективы, открывающиеся перед нацией при условии сохранения здорового крестьянского сословия, до сих пор не получали должной оценки. Многие наши нынешние проблемы являются следствиями нездоровых взаимоотношений между городским и сельским населением. Прочная и устойчивая прослойка мелких и средних крестьянских хозяев является лучшим противоядием против социальной напряженности и конфликтов».

Именно через Дарре, который как никто другой подходил на эту роль, нацисты проводили свою аграрную политику, что способствовало возникновению самой настоящей крестьянской утопии в Третьем рейхе. Ни до, ни после ни один из политических режимов не добивался столь значимых успехов в развитии сельского хозяйства. Немецкий крестьянин действительно чувствовал себя уважаемым человеком в Третьем рейхе и готов был идти за Дарре, а значит, и за Гитлером до самого конца...

Политтехнологии Гитлер

Провал «пивного» путча вызвал временный распад национал-социалистической партии. Когда в 1925 году Адольф Гитлер вышел из тюрьмы, его партия оказалась разбитой на мелкие группировки, яростно враждовавшие между собой. Однако довольно скоро ему удалось объединить их и вновь стать бесспорным лидером.

Новая стратегия НСДАП выглядела значительно более степенной и благоразумной, чем прежняя. Гитлер прекратил призывать к силовому захвату власти. Теперь он ратовал в пользу терпеливой пропагандистской кампании, в результате которой рано или поздно будет одержана победа на демократических выборах. Его даже стали называть Адольф-законник. Это принесло ему популярность среди консерваторов.

Гитлер привлекал к деятельности на благо партии молодых и энергичных людей. Например, именно в тот период членом НСДАП стал журналист с философским дипломом Йозеф Геббельс (Goebbels) – будущий министр пропаганды Третьего рейха.

Гитлер мечтал о создании такой политической организации, какой Германия еще не видела. Он намеревался построить своего рода государство внутри государства – «параллельное» государство. С помощью такой организации будет легче взять власть в подходящий момент.

«Мы признавали, – скажет Гитлер позже, – что недостаточно свергнуть старое правительство. Прежде всего нужно построить новый вид государства».

Сначала все шло достаточно медленно, ибо экономическое положение Германии к середине 1920-х годов наконец-то улучшилось. С приметами же благополучия пришло чувство облегчения и уверенности в завтрашнем дне. Понятно, что и для самого Гитлера и для его детища, национал-социализма, новая ситуация не сулила ничего хорошего: экономическая стабильность и довольство масс – не та атмосфера, в которой могут процветать радикальные политические движения.

Сыграли свою роль и другие факторы. Так, после неосторожного выступления Гитлера перед соратниками, в которой он выразил уверенность в скорой гибели своих политических противников, ему на некоторое время вообще запретили выступать, что сделало его беспомощным в качестве «трибуна», нуждающегося в аудитории. Затем внутри самой партии началась дискуссия о перспективах НСДАП. Среди членов партии и «штурмовиков» хватало тех, кто считал законный (а потому медленный) путь к власти над Германией неприемлемым. Их устраивала не долговременная осада крепости, а только ее штурм – революция. По этому поводу Гитлеру и его окружению пришлось столкнуться с недовольством рядовых членов не только в тех городах, где ячейки НСДАП были малы, но и в сердце нацистского движения – в Мюнхене.

И все же партия продолжала существовать и расширяться. В конце 1925 года в НСДАП числилось только 27 тысяч человек. К концу 1928 года, после трех лет тяжелой работы, количество членов увеличилось почти в четыре раза. Однако на национальных выборах в том же году места в Рейхстаге получили только 12 нацистских депутатов из общего числа в 491 человек.

Великая депрессия, начавшаяся со знаменитого краха нью-йоркской биржи 1929 года, предоставила Гитлеру шанс, на который он рассчитывал и которого терпеливо дожидался в течение четырех лет. Экономическая жизнь Запада оказалась парализована. Банки закрывались. Частные и государственные предприятия оказались на грани разорения. Торговля остановилась. Миллионы людей были уволены без возможности устроиться на работу вновь. Повсюду царил хаос. В семьи вернулся голод. Такая ситуация наблюдалась во многих стра-

нах Запада, но, может быть, хуже всего пришлось Германии. Иоахим Фест писал по этому поводу:

«Дух безнадежности парил надо всем. Прокатилась беспрецедентная волна самоубийств. И, как всегда в подобные моменты истории, у людей пробудилась иррациональная страсть к полной переделке мира. Шарлатаны, астрологи, ясновидящие и всякие медиумы процветали вовсю. В период всеобщего бедствия они вызывали псевдорелигиозные чувства, придавали жизни утраченные смысл и значение.

Обладея исключительной интуицией, Гитлер лучше других политических деятелей уловил подсознательные стремления масс. «...»

У его противников, несмотря на знание обстановки и достаточное красноречие, не хватало веры в будущее. Гитлер же, наоборот, казался оптимистичным, напористым и необычайно уверенным».

Рис. 23. Пропагандистский плакат НСДАП «Покончим с коррупцией!», 1929 год

Первая реальная возможность для нацистов получить власть в стране подвернулась осенью 1930 года. Тогдашний канцлер Брюнинг назначил на 14 сентября национальные выборы в парламент. Он нисколько не сомневался в победе «демократического большинства». Однако Гитлер разрушил все его планы. За НСДАП проголосовало шесть с половиной миллионов человек – в восемь раз больше, чем в 1928 году! Число депутатов-нацистов в Рейхстаге достигло рекордной отметки – 107 человек. Буквально за одну ночь НСДАП стала второй крупнейшей партией Германии.

Вот что происходит, когда власти предрежающие в демократическом государстве не хотят знать или перестают понимать, что действительно нужно рядовому избирателю!

Вовсе не тридцать третий, а тридцатый год XX века поколебал веру либерально мыслящей интеллигенции в, казалось бы, неоспоримый факт, что политическая грамотность народа напрямую зависит от его образованности. К Германии апеллировали многие из либералов того времени: и законопослушные, и революционно настроенные. Например, маркси-

сты считали, что если в Германии самый образованный пролетариат в мире (а это было так!), то в случае ухудшения экономической ситуации неизбежна коммунистическая революция с передачей власти Советам. А их оппоненты из демократического лагеря, опять же уповая на разум просвещенной Германии, надеялись, что Веймарская республика покажет всему миру пример процветающей демократии, образец для подражания. То, что произошло, опрокидывало все эти расчеты и предположения. Оказалось, что в годы трудностей люди мечтают только о наведении элементарного порядка и готовы ради этого поступиться частью своих прав и свобод. Образованный немецкий народ выбирал и выбрал самую реакционную партию из всех возможных. Лидеры этой партии ко всему прочему проявляли расизм, нетерпимость к оппонентам и тягу к идее фюрерства, которая к тому времени обрела уже законченный вид.

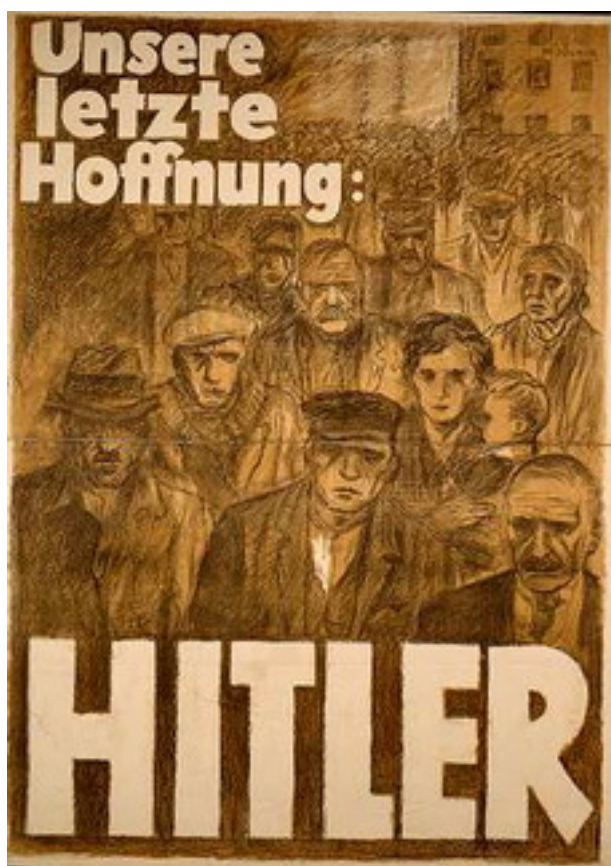

Рис. 24. Пропагандистский плакат НСДАП «Наша последняя надежда – Гитлер», 1932 год

Понятно, что не одна только робкая вера, что эти радикалы в коричневом способны изменить жизнь к лучшему, обеспечила НСДАП невиданный успех на политической арене. Немало сделал для этого и сам фюрер, и его «апостолы». Прежде всего они взяли на вооружение самые последние достижения пропаганды – нацистскую верхушку можно назвать первыми «политтехнологами» в том смысле, какой вкладывается в этот термин сегодня.

«То, что можно добыть при помощи бумажных пуль, – поучал своих пропагандистов Гитлер, – не надо будет впоследствии добывать при помощи стальных».

При этом нацисты считали, что уровень пропаганды следует ориентировать на способности восприятия самого ограниченного субъекта из тех, к кому она обращена. Когда французский философ Бертран де Жувенель спросил Гитлера о причинах его успеха, тот ответил: «Говорят о моем голосе, моем даре гипнотизера, моих качествах оратора. Чушь! Мой секрет куда проще: в головах немцев царил беспорядок, а я упростил для них все проблемы».

Излюбленные темы нацистской пропаганды – сила, гордость, честь, победа, месть. Преподносить их лучше всего в вечерние часы, когда люди уже утомлены и более склонны подчиняться чьему-либо давлению.

Рис. 25. Штурмовики маршируют по Берлину, 1934 год

В нацистской пропаганде не было полутонов: только черное и белое, в своем лагере все правильно и хорошо, у противников – все неверно и плохо. Считалось, что если в пропаганде допускается хотя бы тень правоты конкурента, тем самым уже закладывается сомнение в собственной правоте.

Другое обязательное правило – ни в коем случае нельзя выносить сор из избы. Об этом шла речь в специальных циркулярах; такое же требование содержалось в приказе от 5 ноября 1926 года: «Занятие политикой „...“ требует отрицать и утаивать все слабости, ошибки, недостатки перед лицом общественности, хотя каждый разумный человек знает, что там, где есть свет, должна быть и тень».

Нацистских пропагандистов не беспокоило, что скажут интеллектуалы, – им нужно было завоевать толпу; моральные аспекты и мотивы их не интересовали. С другой стороны, нацистские пропагандисты вскоре обнаружили, что массы, толпа, народ – не такие уж глупые; что если к людям с улицы найти правильный подход, если их воспринимать серьезно, а не просто льстить их низменным инстинктам – у массы может проявиться чувство жертвенности, великодушия, самоотдачи.

Поэтому бессмысленно критиковать нацизм и его пропаганду с моральной или научной точки зрения: нацистская доктрина не была разработана в кабинетной тиши, она выросла из тоталитарного массово-психологического опыта отдельных ораторов-демагогов – в повседневной политической практике.

Эта практика во многих отношениях была уникальной, поскольку до появления Гитлера политические собрания партий носили преимущественно информативный характер, а он изменил этот стиль.

Такие пропагандисты, как Гитлер или Геббельс, постоянно держали руку на пульсе народа. Они точно знали, какие лозунги в данный конкретный момент приведут массы в движение, какие слова разожгут воображение толпы. Каждое собрание и каждый марш завоевывали коллективной реакцией, простотой и размахом. Геббельс и Гитлер использовали революционный реквизит рабочего движения – от красных знамен до мелодий песен.

На партийных собраниях дискуссия была почти исключена и происходила лишь тогда, когда ею можно было управлять. Охрана собраний, организованная СА, исключала подачу реплик, а организованные попытки коммунистов нарушить их ход, пресекались в жестоких и подчас кровопролитных сражениях. За короткое время нацисты приобрели репутацию динамичной боевой партии.

Нацисты овладели и улицей. Если в конце 1920-х улица принадлежала «красным» и нацисты со своими знаменами и лозунгами осмеливались появляться только на грузовиках, то со временем все изменилось. Гитлер использовал опыт Муссолини, который направлял вооруженных чернорубашечников во враждебные фашистам провинции, там они громили помещения профсоюзов и социалистической партии. Хотя Гитлер и не мог открыто прибегать к насилию, как это делал Муссолини (в Италии в «красное двухлетие» 1920–1921 годов практически царила анархия), но тактику эту он освоил и осуществлял, несмотря на естественное давление властей, пытавшихся сохранить правопорядок.

Наиболее характерной чертой нацистской техники пропаганды был «лихорадочный активизм» – нацисты были словно сконцентрированы на том, чтобы вновь и вновь вызывать новые волны эмоций, вовлекая в свои мероприятия как можно больше самых разных людей.

Как видно из циркуляра по технике пропаганды от 24 декабря 1928 года, предлагалось время от времени проводить «ударные» пропагандистские кампании, устраивая в пределах какого-либо округа от 70 до 200 собраний на протяжении 7-10 дней. Для таких собраний следовало выбирать не слишком большие залы – так, чтобы они наверняка были заполнены. Гитлеровцы не рассчитывали заманить людей одними «идеями», обязательной составной частью нацистского собрания были музыкальные номера, спортивные упражнения, живые картины. Нацистское руководство тщательно изучало положение в отдельных местностях и рекомендовало концентрировать пропагандистские усилия прежде всего там, где это могло привести к немедленному и быстрому росту организации.

Настоящим спектаклем являлись митинги, на которых выступал фюрер. Не менее важным, чем содержание речи, было создание «атмосферы». Ее накаливанию способствовали долгое ожидание (хотя фюрер в это время мог находиться в какой-нибудь близлежащей пивной), громкая музыка, барабанный бой, церемония внесения в зал знамен и прочие трюки из той же «оперы».

Воздействие речей Гитлера основывалось на бесконечном повторении и варьировании одной-двух примитивных мыслей, преподносимых на искусственном эмоциональном подъеме, который заражал слушателей. Не только люди, знавшие толк в ораторском искусстве, но и некоторые слушатели, не искушенные в этом (в том числе полицейские чины, наблюдавшие за нацистскими собраниями), отзывались о выступлениях Гитлера отрицательно, отмечая их бессодержательность.

«С точки зрения мысли – пустое место. Наиболее действенный момент – способность прививать возбуждение „...“ Таким образом – примитивнейшая ступень ораторского искусства», – оценивал речи Гитлера один журналист, слышавший его в 1927 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.